

Июль
2013

ДОКЛАД

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УЗБЕКИСТАНА

Исследование продолжает серию работ МИПЭ, посвященных
постсоветским странам

МИПЭ

международный
институт
политической
экспертизы

Евгений Минченко
Кирилл Петров
Андрей Казанцев

Содержание

Введение.....	3
БЛОК I. ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	7
1. Введение: общая оценка инвестиционного климата.....	7
1.1. Заинтересованность Правительства Узбекистана в прямых иностранных инвестициях в Республику.....	7
1.2. Степень рискованности инвестиций в экономику Узбекистана.....	9
1.3. Уровень государственного регулирования экономики в Узбекистане.....	10
2. Обзор основных проблем для инвесторов в Узбекистане.....	11
2.1. Трудности с конвертацией валюты и ограничения на импорт.....	12
2.2. Коррупция в эшелонах власти Узбекистана.....	13
2.3. Произвол властей в Узбекистане.....	13
2.4. Вероятность национализации отдельных предприятий с участием иностранного капитала.....	15
2.5. Оценка прозрачности и устойчивости правил игры для инвесторов.....	15
2.6. Правовая защита прав инвесторов.....	15
2.6.1. Насколько законодательство Узбекистана защищает права инвесторов?.....	15
2.6.2. Эффективность судебной системы Узбекистана для защиты прав инвесторов.....	16
2.6.3. Существует ли у иностранных компаний возможность публичного выражения своей позиции в узбекских СМИ?.....	17
2.7. Другие проблемы для бизнеса в Узбекистане.....	17
2.7.1. Состояние банковской и кредитно-денежной системы, качество банковских услуг в Узбекистане.....	17
2.7.2. Состояние фондового рынка и сектора финансовых и страховых услуг в Узбекистане.....	18
2.7.3. Прозрачность тендерных процедур, проводимых узбекскими госструктурами.....	18
3. Примеры успеха и неудач бизнеса.....	19
3.1. Факторы успешного ведения бизнеса в Узбекистане.....	19
3.2. Наиболее успешные компании, работающие на рынке Узбекистана.....	20
3.3. Неудачные примеры инвестирования в экономику Узбекистана.....	21
4. Изменение инвестиционного климата в Узбекистане.....	25
5. Инвестиционная привлекательность отдельных отраслей экономики Узбекистана.....	27
5.1. Степень привлекательности отраслей экономики Узбекистана для инвестиций.....	27
5.2. Привлекательность для инвестиций отдельных узбекских проектов.....	33

БЛОК II. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В УЗБЕКИСТАНЕ И ВНУТРЕННИЕ РИСКИ ЕГО УСТОЙЧИВОСТИ.....	35
1. Система принятия ключевых решений.....	35
1.1. Значимость кланового фактора при принятии решений органами власти.....	35
1.2. Клань в Узбекистане и их влияние.....	39
2. Операция «преемник» по-узбекски.....	42
3. Внутренние риски устойчивости режима.....	46
3.1. Дестабилизация, вызванная самим характером политического режима.....	46
3.2. Экономическая дестабилизация.....	47
3.2.1. Доверие к официальной статистике.....	48
3.3. Дестабилизация, вызванная сочетанием факторов.....	50
БЛОК III. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА НА ИНВЕСТИЦИИ И ВНЕШНИЕ РИСКИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕЖИМА.....	52
1. Отношения Узбекистана с международными финансовыми институтами.....	51
2. Преференции для отдельных компаний и стран.....	53
2.1. Проблемы компаний из определенных стран.....	54
2.2. Страны с наибольшими возможностями по защите интересов своего бизнеса в Узбекистане. Обзор наиболее эффективных инструментов.....	55
2.3. Причины и устойчивость преференций.....	56
3. Отношения Узбекистана с соседними государствами.....	58
4. Внешние риски устойчивости режима.....	60
5. Отношения Узбекистана с главными внерегиональными центрами силы в Центральной Азии.....	65
ПРАВИЛА ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	72
Авторский коллектив.....	73
Об институте.....	74

Введение

Исследование инвестиционного потенциала Республики Узбекистан продолжает серию работ МИПЭ, посвященных постсоветским странам. Цель данного исследования — проанализировать настоящие и будущие политические риски для инвесторов, показать векторы развития и эволюцию политического режима в связи с активизацией внешних и внутренних угроз стабильности.

Основными методами исследования были формализованное экспертное анкетирование и глубинные интервью. Каждый эксперт придерживается своего сугубо индивидуального видения ситуации в Центральной Азии, поэтому нашей задачей было с помощью обширной опросной анкеты найти общее и отличное, выявить наиболее спорные и, напротив, приводящие к консенсусу оценки развития политико-экономической жизни Узбекистана.

Озвученные экспертами факты проверялись с помощью анализа открытых источников, корпус которых стал второй основой предлагаемой вашему вниманию работы. Часть сведений и оценок, которые невозможно проверить по открытым источникам, приведена в виде прямой речи опрошенных экспертов.

При подготовке текста по Узбекистану сохранение анонимности большинства наших экспертов стало залогом сбалансированного и взвешенного подхода к анализу затрагиваемых проблем. Более 50% наших респондентов предпочли анонимное участие. В итоге нами было принято решение не публиковать список экспертов в традиционном для МИПЭ открытом формате.

Мы выражаем огромную благодарность всем, кто помог нам в создании данного доклада. Всего в исследовании приняли участие более 40 экспертов из России, Белоруссии, Украины, Японии, Индии, Великобритании, Казахстана, Узбекистана, США и стран ЕС.

Для удобства ознакомления итоговый текст исследования разделен на три основных блока.

Первый блок посвящен оценке инвестиционного климата, здесь же приведены параграфы, рассказывающие об отраслевой привлекательности, даны примеры инвестиционных успехов и неудач.

Второй блок сконцентрирован на анализе непосредственно узбекского политического режима. Он содержит в себя описание системы принятия решений в современном Узбекистане, включая вопрос передачи власти и связанных с этим процессом особых рисков, а также особенности защиты прав инвесторов.

Третий блок анализирует внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность Узбекистана и их влияние на деятельность инвесторов. Данный блок также описывает внешние риски, влияющие на устойчивость политического режима, как в контексте отношений с соседними странами, так и в свете обостряющейся конкуренции между ведущими державами за влияние в регионе.

Для удобства изложения вопроса о внутренних (блок II) и внешних (блок III) рисках стабильности и устойчивости политического режима дополнительно используется метод сценарного прогнозирования.

Авторы исследования на основе интервью с экспертами и изучения многочисленных источников пришли к следующим выводам, характеризующим основные риски для инвесторов в Узбекистане:

Усиление административного вмешательства и ограничений уводят бизнес в тень. Существующие в Узбекистане валютные, финансовые и внешнеторговые ограничения вкупе с государственным дирижизмом и вмешательством властей всех уровней в деятельность хозяйствующих субъектов создают преференции для госкомпаний и небольшого числа предприятий, аффилированных с чиновниками и влиятельными теневыми группами. При этом даже союз с теми или иными кланами не дает долгосрочных гарантий устойчивости бизнеса, поскольку межклановый баланс нестабилен. В этих обстоятельствах основная масса предпринимателей вынуждена частично уходить в тень, тем самым подпитывая разросшуюся до тотальных масштабов коррупцию. По различным оценкам, объем теневой экономики Узбекистана сопоставим или превышает официальный ВВП. Бизнес в Узбекистане несет высокие транзакционные издержки, а цена «входного билета» на местный рынок для инвесторов высока. *Во многих случаях успешность бизнеса прямо зависит от благосклонности властей или от потребностей привлечь современные технологии.*

За фасадом реформ набирает обороты государственное рейдерство. За последние несколько лет в Узбекистане произошла частичная либерализация законодательства, в частности, налогового и таможенного, что при формальном подходе позволяет делать вывод об улучшении бизнес-климата, в том числе и для иностранцев. К сожалению, большая часть новаций осталась на бумаге. Правовой и институциональный вакуум приводит к доминированию «ручного управления», а иногда и к прямому насилию правоохранительных органов в отношении бизнеса. *Период с 2006 года отмечен громкими скандалами, связанными с экспроприацией ряда прибыльных активов у иностранных компаний.* Недавние примеры возросших рисков для инвесторов – отъем бизнеса у российской МТС и казахстанской United Cement Group, проблемы датской Carlsberg Group. В ряде случаев смена внешнеполитического курса является предлогом для атак на бизнес из конкретных стран. Так было с американскими компаниями после критики Запада, вызванной подавлением беспорядков в Андижане в 2005 году. Аналогичная зависимость прослеживается и в отношении российского бизнеса после наметившегося охлаждения отношений Ташкента с Москвой.

Операции «преемник» не существует либо о ней недостаточно известно. Президенту Узбекистана Исламу Каримову уже 75 лет и вопрос, кто будет править страной через несколько лет, – основная интрига для внешних и внутренних игроков. Судя по пробным сигналам, транслируемым в публичное поле, на сегодня рассматривается возможность династической передачи власти. Однако в этом случае следующий президент рискует столкнуться с клановой войной за власть из-за недостатка собственной легитимности. Пока И. Каримов успешно балансирует между несколькими центрами сил и контролирует ситуацию, но не станет ли это предпосылкой для конфликта, когда хватка ослабнет? Участвовавшие случаи принудительного перехода активов местных предпринимателей и иностранных инвесторов под контроль государства и приближенных к властям группам в ущерб международной репутации Узбекистана косвенно свидетельствуют о стремлении элит перераспределить и сконцентрировать финансовые ресурсы на случай возможного ухода И. Каримова с политической сцены.

Макроэкономическая стабильность Узбекистана в среднесрочной перспективе находится под угрозой. Рост экономики поддерживается высокими ценами на сырье, денежными переводами трудовых мигрантов и гарантированными правительством кредитами зарубежных банков для реализации крупных инвестиционных проектов. В случае затяжной глобальной рецессии и падения мировых цен на золото, цветные металлы, газ и хлопок – основные статьи доходов узбекской экономики, макроэкономическая стабильность окажется под угрозой и повлечет рост социального недовольства, сдерживаемого сегодня, в основном, благодаря «экспорту» излишних трудовых ресурсов в Россию и Казахстан. Официальная статистика рисует картину благополучия, но, несмотря на провозглашенную политику развития высокотехнологичных производств, Узбекистан достиг лишь точечных успехов, например, в автомобилестроении. При этом реализовать огромный потенциал страны в сфере переработки хлопка и сельскохозяйственной продукции полностью не удалось. Кроме того, официальные статистические данные по росту ВВП, промышленного производства, инфляции и безработице не внушают доверия и искажают представление о реальном состоянии дел в экономике.

Тлеющее социальное недовольство – удобный инструмент в борьбе за власть. Дальнейшее падение уровня жизни населения, деградация социальной инфраструктуры и сферы ЖКХ, коррупция и поборы бизнеса, стратификация общества и отсутствие социальных лифтов, произвол властей и репрессии по отношению к оппонентам режима и «внесистемным» мусульманам – все эти факторы могут быть умело использованы кланами и внешними силами для дестабилизации обстановки в Узбекистане. Мятеж в Андижане в 2005 году показал, что триггером конфликта вполне может стать наступление на интересы региональных бизнес-элит, спаянных в Узбекистане клановым фактором. На улицы людей может вывести конфликт противоборствующих элитных группировок под благозвучными лозунгами защиты прав человека и демократических свобод. В условиях возрастающей социальной несправедливости и отсутствия жизненных перспектив исламский фактор играет все более важную роль. Молодежь ищет ответы на жизненные вопросы в религии и нередко радикализируется.

Закрытость и непредсказуемость внешней политики официального Ташкента тормозит реализацию региональных инвестиционных проектов. Опасения И. Каримова попасть под влияние внешних центров силы и поступиться частью суверенитета блокируют участие Узбекистана в интеграционных проектах в регионе и на постсоветском пространстве. И. Каримов демонстративно вышел из ОДКБ, отстранился от участия в Таможенном союзе и в последнее время проявляет осторожный подход в рамках инициатив ШОС. Ставка на выстраивание двухсторонних отношений не вызывает доверия, так как на деле Ташкент, используя противоречия между державами – Россией, США и Китаем, пытается извлечь из своих геополитических маневров сиюминутные выгоды. В последние годы регулярная смена внешнеполитических приоритетов негативно отражалась на судьбе инвестиций – американских, европейских, российских и турецких. Амбиции регионального лидера и нерешенные территориальные и водные проблемы с соседями затрудняют участие Узбекистана в региональных проектах в сфере транспорта и в гидроэнергетике. Как свидетельствует – правительство Узбекистана свело к минимуму или практически свернуло сотрудничество с Европейским банком реконструкции и развития, финансирувавшем инфраструктурные проекты. Одновременно режим И.

Каримова демонстрирует крайнюю подозрительность к своим соседям и вступает с ними в постоянную конфронтацию, в частности, по поводу регулирования стока трансграничных рек. Анонсированное участие компаний, в том числе российских, в строительстве гидроэнергетических сооружений в Таджикистане и Киргизии неминуемо повлечет обострение отношений Узбекистана с государствами, оказывающими политическую поддержку такого рода инвестициям.

Медовый месяц в отношениях США и Узбекистана, вероятно, продлится недолго и может сыграть с И. Каримовым злую шутку. В 2012 отношения Узбекистана и США вышли на новый уровень. Фактически, Вашингтон пытается обрести в лице Ташкента замену для ставшего слишком своевольным Исламабада в вопросе транзита военных грузов из Афганистана. Вопрос в том, как долго Узбекистану удастся продавать себя как ключевого партнера США в регионе? Во-первых, степень сближения США и Узбекистана лимитирована чувствительностью находящихся у власти в Белом доме демократов к вопросам соблюдения прав человека. Наступление на немногие оставшиеся гражданские свободы и прибыльные активы в экономике способно в очередной раз осложнить отношения Ташкента и Вашингтона, спровоцировать давление со стороны США. Во-вторых, несмотря на постоянные спекуляции о готовности Узбекистана предоставить Пентагону свою территорию, часть экспертов сомневается в том, что в республике появится полноценная военная база США - как из-за нежелания официального Ташкента связывать себя жесткими обязательствами, так из-за опасения резкой реакции России и Китая. Самый сложный вопрос касается завершения антитеррористической операции в соседнем Афганистане. Что произойдет с военно-политической ситуацией в регионе после вывода американского воинского контингента и не окажется ли светское правительство Узбекистана неспособным справиться с новой активизацией фундаменталистов и террористических групп, недовольных слишком тесным союзом официального Ташкента с Вашингтоном?

БЛОК I. ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ В УЗБЕКИСТАНЕ

1. Введение: общая оценка инвестиционного климата

1.1. Заинтересованность Правительства Узбекистана в прямых иностранных инвестициях в Республику (по 10-балльной шкале, где 10 – максимальная заинтересованность) ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 6,5

Оценка, выставленная экспертами, свидетельствует о том, что формальный интерес со стороны руководителей узбекского государства к иностранным инвестициям присутствует. Ограничителем прогресса в этом вопросе выступает, в первую очередь, неготовность политического руководства Узбекистана ради привлечения капиталов умерить степень вмешательства местных элит в экономику.

Главным фактором, тормозящим приток иностранных инвестиций, является официальная идеология президента страны Ислама Каримова, ставящая сохранение социально-политической стабильности выше интересов развития экономики. Как отмечает один из экспертов, *«они просто боятся повторить опыт Казахстана, не хотят идти на условия инвесторов и какое-то время вообще брали инвестиций по минимуму, но деньги стране нужны и они вынуждены уступать»*. Это означает, что власти Узбекистана видят негатив в политике, ослабляющей контроль центрального Правительства над ключевыми экономическими сферами, предпочитают, как выразился один из опрошенных экспертов, *«держат всех иностранных инвесторов на коротком поводке»*. Слишком вольготные условия для иностранного бизнеса будут означать перераспределение власти отнюдь не только в пользу иностранных компаний, но и в пользу их бизнес-партнеров и их ключевых сотрудников в самом Узбекистане. Причина появления подобных установок кроется, в том числе, в самом характере политического режима. Вот как его характеризует один из наших респондентов: *«Он [политический режим] основан на «административной вертикали» и безраздельном господстве бюрократии во главе с президентом»*.

Эту тенденцию хорошо подчеркивает место, занятое Узбекистаном в рейтинге государственности¹, вычисленном в рамках российского проекта «Политический атлас современности». Узбекистан занял в нем 94-е место, уступив Туркменистану (87-е место), но опередив Казахстан (111-е место). Как поясняют авторы рейтинга, *«доходы от экспорта сырьевых ресурсов (преимущественно нефть и газ) и недемократические персоналистские режимы позволяют [данным государствам], с одной стороны, быть в той или иной степени независимыми экономически, а с другой стороны, сохранять внутреннюю стабильность в кратко- и среднесрочной перспективе, хотя средства ее обеспечения вызывают осуждение со стороны мирового сообщества. Однако такие страны технологически зависимы от внешнего мира»*². В индексе государственности или, вернее, индексе несостоятельности государств от фонда The Fund for Peace за 2012 год

¹ Один из комплексных индексов, созданных в рамках проекта «Политический атлас современности» для осуществления межгосударственного сравнения. Индекс государственности призван определить способность государства поддерживать свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи, то есть использовать свои прерогативы суверена.

² http://www.mgimo.ru/files2/y04_2011/186294/politatlas.pdf

Узбекистан занимает 39 место, получив 87,5 баллов³ (1-ое место - Сомали 114,9 балла, 177-ое - Финляндия 20 баллов).

Спорадически возникающий интерес к инвесторам и инвестициям со стороны руководства Узбекистана эксперты объясняют фактором невозможности развития собственных технологий. Нет ничего удивительного в том, что периодически власти Узбекистана посылают сигналы, призванные вселить в иностранных инвесторов уверенность в защите их капиталов. Так, 10 апреля 2012 года Президент Узбекистана И. Каримов издал указ «О дополнительных мерах по стимулированию привлечения прямых иностранных инвестиций». В указе, помимо победных реляций о том, что за годы независимости в Узбекистане «сформирован благоприятный инвестиционный климат, законодательно установлена широкая система льгот, преференций и гарантий по защите прав и интересов иностранных инвесторов», содержатся и институциональные новеллы. Указ позволяет иностранным инвесторам, вложившим в новые СП более \$5 млн, в течение десяти лет применять нормы и положения по уплате основных налогов, действовавшие на день государственной регистрации совместного предприятия.

Как сообщает информационное агентство «Фергана», ключевой русскоязычный источник альтернативной информации об Узбекистане⁴, «к инвестиционным проектам стоимостью свыше \$50 млн. отношение еще более лояльное. Узбекское государство обещает за свой счет построить для таких производств все необходимые внешние инженерно-коммуникационные сети». Однако реальный эффект этих шагов вряд ли будет значительным, многие эксперты отмечают, что декларации остаются декларациями, а реальные бизнес-процессы идут совершенно по иным схемам. Мировое сообщество не доверяет официальному Ташкенту. Так, в ежегодном рейтинге стран с точки зрения экономической свободы — Индексе экономической свободы 2012 года (Index of Economic Freedom 2012), публикуемом американским исследовательским центром «Фонд наследия» (The Heritage Foundation) и газетой The Wall Street Journal, Узбекистан занял 164-е место из 179 возможных и получил рейтинг «*страны с несвободной экономикой*». В том же рейтинге 2013 года Узбекистану удалось подняться на две строчки – до 162 места, однако только за счет сокращения количества стран, в итоговый рейтинг были включены всего 177 стран⁵.

Чтобы дополнительно оценить заинтересованность узбекских властей в привлечении зарубежных инвестиций, мы задали экспертам вопросы о практике государственного софинансирования инвестиционных проектов и о случаях дезориентирующего экономического планирования со стороны государства. Большинство опрошенных экспертов (90%) знают о государственном софинансировании, но в своих комментариях не отмечают эту практику как значимую, хотя в ней и задействован Фонд реконструкции и развития Республики Узбекистан⁶, капитал которого по официальным сведениям достигает \$15 млрд⁷. Как отметил один из наших европейских экспертов, «развитие института софинансирования находится на низком уровне, его недостаточно, чтобы страна могла рассчитывать на финансирование со стороны программ Европейского Союза». В ответе на вопрос о частоте случаев

³ См.: <http://ffp.statesindex.org/rankings-2012-sortable>

⁴ <http://www.fergananews.com/article.php?id=7332>

⁵ <http://www.heritage.org/index/ranking>

⁶ Фонд реконструкции и развития Узбекистана создан в мае 2006 года указом Президента Узбекистана с уставным капиталом в размере \$1 млрд. Фонд образован для финансирования и софинансирования важнейших инвестпроектов, включенных в государственную инвестиционную программу.

⁷ См.: <http://ufrd.uz/about/index.htm>

дезориентирующего экономического планирования со стороны государства, в т.ч. невыполнения ранее взятых на себя обязательств перед инвесторами, средней оценкой оказалось 6 из 10 баллов.

1.2. Степень рискованности инвестиций в экономику Узбекистана (по 10-балльной шкале, где 10 – крайне высокий риск)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 7,5

Эксперты в настоящее время крайне высоко оценивают риски вложений в Узбекистан. Основные слагаемые подобного представления о рисках инвестиций кроются в ухудшающейся из года в год политико-правовой среде, недостаточных гарантиях прав частной собственности, высокой коррупции и волюнтаристском подходе к предоставлению государственных гарантий зарубежному капиталу. **Можно вспомнить, что на заре независимости Узбекистана И. Каримов даровал, по сути, персональные льготы нескольким десяткам иностранных компаний, инвестировавшим значительные средства в экономику страны, а пришествие российских компаний было обеспечено благодаря потеплению узбекско-российских отношений в 2003 году. На тот момент Узбекистан практически не имел громких историй, связанных с отъемом бизнеса, инвесторы верили в потенциал узбекской экономики и в возможность ее либерализации, а безопасность инвестиций гарантировалась политической поддержкой узбекского руководства.** Однако в 2005 году после массовых беспорядков и попытки мятежа в Андижане Узбекистан взял курс на изоляцию и годом позже налоговые поблажки для большей части предприятий были внезапно отменены. В одночасье лишились былых преференций узбекско-американское золотодобывающее СП «Zaravshan-Newmont», узбекско-британское «Oxus Gold», узбекско-американское СП «Uz-Texaco», компания «УзКейсагролизинг», а в 2009 году - узбекско-российский молокозавод «Вимм-Билль-Данн Ташкент». В рамках льготного режима остались лишь два крупных российских предприятия: «Газпром» и «Лукойл». Практика не изменилась до сих пор, по каждому крупному инвестиционному проекту в Узбекистане всегда принимается специальное правительственное постановление, регламентирующее особые правила отношений иностранного инвестора с государством.

Любое охлаждение в отношениях со страной происхождения капитала с большой долей вероятности отражается и на внутриузбекских совместных проектах. Стоит отметить, что в ряде случаев смена внешнеполитического курса является предлогом для атак на бизнес конкретных стран. Так было с американскими компаниями после критики Запада, вызванной подавлением беспорядков в Андижане в 2005 году, аналогичная зависимость прослеживается и в отношении российского бизнеса после наметившегося охлаждения отношений Ташкента с Москвой в 2011-2012 гг.

Особую опасность для бизнеса любой величины, желающего вложить деньги в узбекскую экономику, представляет коррупция⁸. Согласно данным международной неправительственной организации Transparency International за 2012 год Узбекистан занимает по показателю «восприятие коррупции» (The Corruption Perceptions Index 2012) 170-ое место из 174 возможных. В рейтинге экономик от Doing business-2013 Узбекистан стоит ненамного выше - 154 место из 185 возможных⁹. Чем ближе к 2014 году, тем сильнее будут дополнительные по отношению к традиционному административно-

⁸ Подробнее см. параграф 3 II Блока

⁹ <http://russian.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2013>

правовому произволу риски, связанные с возможной дестабилизацией ситуации в соседнем Афганистане, которые, кстати, подчеркиваются, в том числе и самим руководством Узбекистана, а также с внутривнутриполитической ситуацией, требующей скорейшего решения проблемы «престолонаследия». Как поясняет один из экспертов: *«Здесь по иронии истории совпало два ключевых момента: вечный президент Каримов - он по Конституции может избираться неограниченное число раз - должен был пролонгировать свой очередной срок именно в 2014 году¹⁰, а это срок вывода американских войск из Афганистана и срок начала широкомасштабной «демократизации» на территории Центральной Азии».*

В таких условиях в Узбекистане смогут себе позволить работать только те компании, которые тщательно взвешивают все риски и оценивают свои возможности по их минимизации.

1.3. Уровень государственного регулирования экономики в Узбекистане (по 10-балльной шкале)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 8,5

Как уже отмечалось выше, в стране на официальном уровне с начала 1990-х объявлено о приоритете социально-политической стабильности над экономическим развитием. При этом первоначально в качестве обоснования отказа от либеральных экономических реформ, рекомендованных МВФ и проведенных соседними Казахстаном и Кыргызстаном, служили ссылки на китайский и восточноазиатский (прежде всего, южнокорейский) опыт. Делались также ссылки на нестабильную ситуацию в соседнем Таджикистане и на возможность революции и гражданской войны под исламо-демократическими лозунгами по примеру этой бывшей советской республики и по еще свежему тогда примеру Ирана 1979 года. Поэтому государственной пропагандой активно подчеркивалась роль государственного контроля для сохранения политической стабильности.

Затем, по мере становления новой государственной идеологии Узбекистана, легитимирующие ссылки стали делаться преимущественно на собственную историю. В частности, ключевой для новой идентичности Узбекистана стала фигура Тамерлана как успешного военного, политического, экономического и культурного государственного деятеля 14 – 15 вв. Использование фигуры Тамерлана отнюдь не невинно в плане обоснования определенной экономической политики. Фигура этого жестокого завоевателя, обеспечившего расцвет Мавераннахра (сердцевины его империи со столицей в Самарканде), указывает на существовавшую тогда связь между авторитарной силовой политикой и экономическим процветанием. Именно эта связка и используется нынешним руководством страны. Наследие Тамерлана также служит обоснованием для претензий Узбекистана на региональное лидерство, что объясняет нужду в концентрации ресурсов в руках правительства и серьезные военные расходы. Все это также обосновывает определенную экономическую политику. Наконец, Самарканд как столица государства Тамерлана подчеркивает роль самаркандского клана, к которому исторически принадлежит сам президент, в управлении страной.

Сильное государство обеспечивает инструменты для проведения политики И. Каримова в жизнь. Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) считает, что роль государства в экономике Узбекистана только возрастает. Как сообщается на сайте организации, «Правительство приступает к осуществлению масштабной программы

¹⁰ Решением Парламента выборы Президента перенесены на весну 2015 года.

развития промышленности, что может отодвинуть задачу развития частного сектора на задний план. К тому же рекапитализация банков сопровождалась практикой директивного кредитования, искажающей ситуацию на рынке. Кроме того, сохраняющиеся ограничения в сфере валютных операций сдерживают иностранные инвестиции». Антикризисные мероприятия правительства в связи с глобальными экономическими проблемами также способствуют усилению позиций государства в плане его контроля над экономикой. Сложности при определении итоговой роли государства в экономике связаны также и с тем, что официальные статистические данные по росту ВВП, промышленного производства, инфляции и безработице не внушают доверия и искажают представление о реальном состоянии дел в экономике.

2. Обзор основных проблем для инвесторов в Узбекистане

Общение с экспертами показало, что в Узбекистане крайне сложно выделить узкий круг проблем, с которыми сталкиваются иностранные компании. Большинство экспертов включали в свои ответы максимально возможное количество вариантов. Мы разделили проблемы на три группы. К постоянно встречающимся мы отнесли те, о которых упомянули от 80 до 100% опрошенных экспертов, к часто встречающимся те, которые отметили от 60 до 80% экспертов, и к периодически возникающим была отнесена одна проблема, упомянутая менее чем 50% экспертов.

Постоянно встречающиеся проблемы:

- Долгие согласительные процедуры с органами государственной власти;
- Прямое вмешательство регулирующих и контролирующих органов в деятельность бизнеса;
- Пересмотр и/или невыполнение условий контрактов;
- Отъем собственности;
- Ограничения на перевод валюты за рубеж, сложности с конвертацией валюты;
- Коррупция.

Часто встречающиеся проблемы:

- Срыв поставки товаров и услуг внутренними контрагентами;
- Непрозрачное и нестабильное налоговое законодательство;
- Другие ограничения во внешнеторговой деятельности, в т.ч. заградительные таможенные пошлины на ряд товаров;
- Запутанность законодательной базы для ведения бизнеса.

Периодически встречающиеся проблемы:

- Неуплата долгов, в т.ч. государственными организациями.

Следует отметить, что существенная часть перечисленных выше проблем связана со спецификой политико-административной системы, отсутствием независимых судов и особенностями экономической политики нынешнего руководства Узбекистана. В принципе, эти проблемы устранимы в краткосрочной и в среднесрочной перспективе в случае, если у правительства будет на то благая воля и достаточно решимости.

2.1. Трудности с конвертацией валюты и ограничения на импорт

На фоне таких характерных для постсоветских и большинства развивающихся стран явлений как коррупция и нестабильность налогового законодательства, Узбекистану присуща уникальная для других стран проблема – **отсутствие свободной конвертируемости национальной валюты**. Среди всех отмеченных выше проблем чемпионом по упоминанию экспертами (практически, 100% всех собранных анкет) стала неконвертируемость узбекского сума и связанные с этим проблемы импорта и распределения прибыли в пользу иностранных инвесторов.

На сегодня в экономике Узбекистана сложилась система множественных обменных курсов, официальный курс Центрального банка является индикативным и не представляет собой обязательство продавать иностранную валюту по указанному курсу. Биржевой и межбанковский курсы несколько выше, но далеко не все участники внешнеэкономической деятельности имеют доступ на валютную биржу. С 1996 года в стране существует т.н. параллельный или черный курс доллара, который в разное время превышал официальный в 1,5-2 раза. По оценкам Всемирного банка, американский доллар в 2012 году стоил на черном рынке на 46% дороже официально установленного курса¹¹. Более того, в надежде побороть разрастающийся черный рынок власти страны с 1 февраля 2013 полностью запретили резидентам покупку наличной иностранной валюты¹². Все операции будут теперь проводиться исключительно в безналичной форме, путем зачисления валюты на международные пластиковые карты по официальному курсу.

Сложности, которые возникают у бизнеса в связи с политикой ограничения свободного обращения иностранной валюты, описывает ИА «Фергана»: *«чтобы приобрести импортное оборудование, необходимо зарегистрировать импортный контракт в банке и на таможне. Узбекистан признает только контракты определенной формы и на определенных условиях»*¹³. Поэтому абсолютное большинство компаний, включая иностранные, которые отлучены от возможности конвертации выручки, вынуждены для закупок импортного оборудования на вполне легальных условиях прибегать к услугам фирм, имеющих доступ к конвертации. Это проще, так как избавляет от бюрократической мороки, связанной с конвертацией средств и оформлением контрактов, но дороже, так как обменный курс при таких закупках гораздо выше биржевого. Это означает, что стоимость такого импортного контракта в случае необходимости может быть признана завышенной для оказания административного и судебного давления на иностранный бизнес, а обойти посредников и их условия не позволяет государственная политика.

Ограничения на доступ к свободно конвертируемой валюте делают проблематичной репатриацию прибыли и дивидендов. Несмотря на это предусмотренное законодательством право инвесторов, им, как правило, предлагается реинвестировать прибыль в расширение проектов в стране. Для вывода дивидендов компании нередко вынуждены прибегать к непрофильной внешнеэкономической деятельности - закупать сырье и другую «ликвидную» продукцию для последующей реализации на экспорт.

¹¹ <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/Uzbekistan-Snapshot.pdf>

¹² См.: <http://izvestia.ru/news/543993>

¹³ <http://www.fergananews.com/article.php?id=7429>

2.2. Коррупция в эшелонах власти Узбекистана

Экспертная оценка восприятия коррупции в Узбекистане (по 10-балльной шкале, где 1 означает отсутствие коррупции, а 10 – тотальную коррумпированность)

№ п/п	Уровни	Оценка
1.	Центральное правительство	8
2.	Региональные администрации	8,5
3.	Правоохранительные органы	8,5
4.	Судебная власть	8
5.	Налоговые органы	8,5
6.	Таможня	8,5

Экспертные оценки восприятия коррупции показывают, что это системный элемент узбекской политической и экономической систем. Существенной разницы между уровнем коррупции в центральном аппарате и в региональных администрациях, а также между различными силовыми структурами, не существует. Единственным фактором, способным сдерживать коррупцию на нижестоящих уровнях, является сила центрального правительства. Другими способами избежать коррупционной составляющей в отношениях с властями Узбекистана являются выстраивание межкланового баланса и/или личный авторитет И. Каримова. Хотя следует отметить, что в ряде случаев и соображения сохранения межкланового баланса также включают в себя поддержание систематической коррупции и распределение доходов от нее.

По оценкам экспертов, защитой от коррупционного прессинга могут обладать только крупные компании, получившие на самом высоком политическом уровне карт-бланш на реализацию крупных или высокотехнологичных проектов, в которых нуждается экономика республики.

2.3. Произвол властей в Узбекистане

Степень административного произвола в отношении инвесторов:

№ п/п	Уровни	Оценка
1.	Высшее руководство Республики	8
2.	Административная вертикаль среднего и нижнего звена	6,5

Эксперты крайне высоко оценивают степень произвола в отношении инвесторов со стороны как высшего руководства республики, так и со стороны среднего и нижнего звена властной вертикали. Но все-таки масштаб бизнеса является определенной защитой от проблем, идущих снизу, но в то же время делает его уязвимым в случае «заказа» с самого верха. Главным ограничением произвола выступают решения высшего руководства, чаще всего лично Президента Республики. Но и оно лимитировано, как выразился один из экспертов, *«импульсивностью и своеволием И. Каримова, мнящего себя «великим экономистом, готовым перехитрить любого бизнесмена».*

Теме произвола властей в деле отъема бизнеса посвящена отдельная глава ниже. Здесь же можно констатировать, что в последние годы в Узбекистане сложилась практика захвата активов с привлечением силового ресурса правоохранительных ведомств, сопровождаемая арестами владельцев и менеджеров компаний с целью добиться от них отказа от собственности или получения нужных следствию показаний о якобы обнаруженных правонарушениях.

С лета 2012 года вплоть до весны 2013 года внимание бизнес-сообщества в Узбекистане и за его пределами было приковано к скандалу вокруг крупнейшего оператора сотовой связи в республике «Уздунробита», приобретенного российской компанией МТС в 2004 году. Инициированные Генеральной прокуратурой проверки деятельности компании вылились в уголовные дела и аресты ее менеджеров. Особую озабоченность инвестора вызвали способы проведения следственных действий в отношении должностных лиц узбекской компании. Компания заявляла, что в ходе допросов менеджеров «Уздунробиты», включая И.О. гендиректора и гражданина РФ Радика Даугова грубо нарушались нормы УПК Республики Узбекистан. К сотрудникам не допускались их адвокаты, допросы проводились в ночное время. Более того, на обвиняемых и других работников «Уздунробиты» оказывалось серьезное психологическое давление, применялись методы запугивания и угрозы, в т.ч. «провести обыск в квартире и найти наркотики». Еще до окончания следственных мероприятий и решения суда заключенных под стражу сотрудников компании официальные источники в нарушение норм УПК называли не иначе как «членами организованной преступной группы» и «состоящими в преступном сговоре лицами». МТС направляла официальные обращения в адрес руководства Узбекистана¹⁴ с требованием пресечь грубые нарушения законодательства в рамках проверок деятельности «Уздунробиты».

Подобные методы практиковались в Узбекистане и раньше. Так, в докладе 2007 года *Uzbekistan: Stagnation and Uncertainty*, подготовленном International Crisis Group, подробно описывается ситуация в которую попала американская чайная компания Interspan¹⁵, работавшая в республике с 1998 года. В 2006 году компания, контролировавшая 30% оборота чая в Узбекистане, подверглась жестокой рейдерской атаке.

В феврале 2006 года мужчины в масках с автоматами в руках, возможно, работающие на спецслужбы Узбекистана, захватили Искандера Кямилева, отца одного из руководителей Interspan в Узбекистане. В то же самое время вооруженные люди вошли в офис компании в Ташкенте и потребовали немедленно сдать всю собственность Interspan, остатки на счетах и две квартиры в Ташкенте, принадлежавшие семье Кямилевых¹⁶.

Информированные источники в Узбекистане сообщили менеджерам Interspan, что захват их бизнеса и выдворение с узбекского рынка был организован людьми с серьезными связями в высших эшелонах власти Узбекистана и Гульнаррой Каримовой, старшей дочерью президента страны, которой, предположительно, принадлежит Самаркандская чаеразвесочная фабрика.

¹⁴ См. http://www.company.mts.ru/press-centre/press_release/2012-08-01-1746584 и http://www.company.mts.ru/press-centre/press_release/2012-07-13-1735660/

¹⁵ См. http://www.crisisgroup.org/~media/Files/asia/central-asia/uzbekistan/b67_uzbekistan_stagnation_and_uncertainty.pdf. Впервые история стала достоянием гласности благодаря статье “One lump or two? Uzbek dictator’s daughter wipes out competing tea firm with ‘brain’ and ‘muscle’”, вышедшей в Harper’s Magazine, 6 июня 2007 за авторством Ken Silverstein

¹⁶ http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&sub=&cid=2&nid=163

В конечном итоге давление на родственников менеджмента компании, оказавшихся в тюрьме по самым разным обвинениям, начиная от торговли наркотиками и заканчивая финансированием беспорядков в Андижане, вынудило компанию уйти из Узбекистана. В своем исковом заявлении против страховой компании, поданном в суд в Техасе Interspan заявляла, что столкнулась с различными способами вымогательства, использованием силовых структур для запугивания, угрозами пыток и нанесения тяжких телесных повреждений, похищениями, арестами, фабрикации обвинений и т.д.

2.4. Вероятность национализации отдельных предприятий с участием иностранного капитала (по 10-балльной шкале, где 10 - высокая вероятность)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 6

Эксперты рассматривают экспроприацию и национализацию как вероятный инструмент «работы» узбекских властей с иностранными инвесторами. В прошлом они неоднократно прибегали к таким методам¹⁷, в случае необходимости не остановятся при их использовании и в будущем. Следует, однако, понимать, что механизм «национализации» просто оформляет передачу активов в нужные руки, то есть ни о какой стратегической политике речь не идет: обычные для пространства СНГ рейдерские атаки облачаются в тогу заботы об интересах нации, а инвестор в редких случаях получает компенсацию рыночной стоимости актива. Как правило, в случаях перехода имущества компаний под контроль государства или группы лиц речь идет о банальном отчуждении бизнеса, т.е. экспроприации.

2.5. Оценка прозрачности и устойчивости правил игры для инвесторов

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 3,5

Эксперты невысоко оценивают стабильность институциональной среды для ведения бизнеса в Узбекистане. «Правила меняются часто и порой катастрофически радикально». Некоторые из экспертов считают, что общих правил не существует в принципе, есть лишь «временные договоренности отдельных купцов с коварным падишахом» или же сложившиеся неформальные практики в рамках определенных секторов. В целом большая часть экспертов поддерживает мнение, что для некоторых привилегированных участников рынка условия ведения бизнеса всегда будут лучше.

2.6. Правовая защита прав инвесторов

2.6.1. Насколько законодательство Узбекистана защищает права инвесторов?

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 4,5

В данном случае средняя оценка отражает серьезные расхождения в экспертных оценках. Если исходить из формально-юридического подхода, то законодательство в целом отвечает задачам защиты прав инвесторов и даже совершенствуется в данном направлении. Если же смотреть на правоприменительную практику в Узбекистане, то ее невозможно отделить от ситуативной позиции политического руководства или даже просто от его произвола с применением судебного-правового «прикрытия». Поэтому те эксперты, которые склонны к критическому рассмотрению формальных законов и институтов, поставили законодательной системе Узбекистана низкие баллы.

¹⁷ См. раздел 13 I Блока настоящего исследования

Хотелось бы отметить, что национальные законодатели крайне ревниво относятся к правовым возможностям вынести обсуждение споров хозяйствующих субъектов за пределы Узбекистана в международные третейские суды. Еще в 2006 году Конституционный суд Узбекистана решил усложнить зарубежным компаниям, инвестировавшим в узбекскую экономику, процедуру обращения в международные суды по урегулированию хозяйственных споров. В опубликованном разъяснении Конституционного суда говорилось, что закон «О гарантиях и мерах защиты прав иностранных инвесторов», принятый в 1998 году, не подразумевает так называемого «согласия стороны», в данном случае - Узбекистана, на разрешение споров в Международном центре по урегулированию инвестиционных споров при Всемирном банке (МЦУИС)¹⁸. Таким образом, той стороне конфликта, которая хочет обратиться в международный арбитраж, придется получать письменное согласие всех участников инвестиционного спора, в т.ч. и государственных органов, если те выступают ответчиком или истцами, несмотря на то, что Узбекистан присоединился к Вашингтонской конвенции о разрешении споров в МЦУИС в 1994 году.

Это решение, принятое после банкротства золотодобывающего СП с американской Newmont Mining и подачи этой компанией иска в МЦУИС против Узбекистана, представляет собой попытку изменить смысл закона о гарантиях для иностранных инвесторов и заблокировать рассмотрение споров вне прямой юрисдикции узбекского государства. В мае этого года Министерство юстиции заявило, что правительство нынешней осенью планирует внести в парламент страны поправки в закон «О гарантиях и мерах защиты прав иностранных инвесторов», устанавливающие принцип «обоюдного согласия» на участие в международном арбитраже

Впрочем, эти явно односторонние законотворческие попытки с точки зрения международного права и международных обязательств Узбекистана не лишают инвесторов возможности привлечь узбекскую сторону к ответственности - позиция о неподсудности властей Узбекистана не помешала МЦУИС принять в производство иски против Узбекистана от израильской компании Metal-Tech Ltd (в 2010 г), российской МТС (в ноябре 2012 г.) и казахстанской United Cement Group (в апреле 2013 г.)²⁰.

2.6.2. Эффективность судебной системы Узбекистана для защиты прав инвесторов **ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 2,5**

Судебная система Узбекистана неэффективна, тотально коррумпирована и полностью зависима от властей. В сложившейся патримониально-клиентельной²¹ системе судебная власть является простым ответвлением власти административной, правосудие рассматривается ее служителями как бизнес, а законодательные нормы и правовые институты носят имитационный характер. На низовом и среднем уровне гражданские, уголовные дела и хозяйственные споры разрешаются, как правило, в пользу тех, кто обладает более серьезным властным или финансовым ресурсом. Зачастую следователи, судьи и адвокаты действуют в одной связке и подсудимый может существенно облегчить свою участь за определенную мзду. Практически во всех случаях суд выступает как один

http://mfa.uz/rus/pressa_i_media_servis/211106r_0.mgr
[19 http://www.trend.az/regions/casia/uzbekistan/2150773.html](http://www.trend.az/regions/casia/uzbekistan/2150773.html)

²⁰

<https://icsid.worldbank.org/ICSID/FrontServlet?requestType=SearchRH&actionVal=SearchSite&SearchItem=uzbekistan>

²¹ Подробнее о принципах функционирования подобных систем в блоке II

из элементов давления на бизнес, а почти каждое силовое и правоприменительное ведомство имеет в своей структуре подразделение, наделенное полномочиями расследовать экономические преступления (Государственный налоговый комитет, Генеральная прокуратура, МВД и даже Служба национальной безопасности)

Если в рутинной практике атак на бизнес исход дела на этапе следствия и судебных слушаний зависит от способности ответчика найти заступничество, договориться с инициаторами дела или «заинтересовать» судью, то при политическом заказе с самого верха результат спора предрешен заранее. Никакие разумные доводы ответчиков не способны повлиять на суд. На примерах инициированных властями разбирательств против Newmont Mining, Oxus Gold, Metal Tech и МТС суды безоговорочно поддерживали претензии истцов, а рассмотрение жалоб не приводило к пересмотру решений судов первой инстанции.

Единственным известным на момент подготовки настоящего исследования случаем, когда узбекский суд принял сторону инвестора, было решение Ташкентского городского хозяйственного суда в октябре 2006 года, отклонившего иск налоговых органов на \$23 миллиона к оператору сотовой связи СП Coscom, подконтрольного на тот момент американской МСТ Corp. Компанию обвинили в сокрытии доходов и открытии счетов за рубежом для расчетов за роуминг без разрешения Центрального банка. Впрочем, спустя несколько месяцев власти вновь пошли в наступление на оператора, что в итоге вынудило МСТ Corp продать свой бизнес в Узбекистане скандинавской компании TeliaSonera.

2.6.3. Существует ли у иностранных компаний возможность публичного выражения своей позиции в узбекских СМИ?

ДА - 20% экспертов

НЕТ - 80% экспертов

Хотя часть экспертов все-таки считают, что компании могут высказывать свою позицию, речь, вероятно, идет лишь о положительных репликах в адрес руководства республики. Кроме того, компании могут выразить свое мнение через неподконтрольные властям Интернет СМИ зарегистрированные в других странах (в Узбекистане, в отличие от Туркменистана, доступ к Интернету не контролируется так жестко) и через иновещание (к примеру, Би-Би-Си и радио Озодлик²² – узбекская служба Радио Свобода). Однако в этом случае аудиторией является незначительная часть населения. Поэтому данный ресурс следует рассматривать как недостаточный.

Также эксперты отмечают, что ряд формально независимых квазиоппозиционных интернет-ресурсов на самом деле контролируется узбекскими спецслужбами.

2.7. Другие проблемы для бизнеса в Узбекистане

2.7.1. Состояние банковской и кредитно-денежной системы, качество банковских услуг в Узбекистане (по 10-балльной шкале)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 4

Суть банковско-финансовой системы Узбекистана определяется наличием серьезных валютных и инвестиционных ограничений, которые изолируют ее от остального мира. Так, юридические лица и предприниматели испытывают хронические проблемы с доступом к наличным денежным средствам в банках. В последние годы насаждается практика перечисления заработной платы на банковские карточки, которые

²² <http://www.ozodlik.org/>

принимаются далеко не везде, а снять с них наличные представляется проблематичным. Такими радикальными мерами, направленными на ограничение оборота наличной денежной массы, власти пытаются обуздать инфляцию.

В стране слабо развиты механизмы потребительского и ипотечного кредитования, деятельность банков в основном сконцентрирована на расчетно-кассовом обслуживании юридических лиц и хранении депозитов населения. Комментарий эксперта: *"В мировую банковскую систему они не входят и полностью от нее независимы. Банковская система сугубо внутренняя, в ее рамках существует множество ограничений, как для физических, так и для юридических лиц"*. Здесь также можно усмотреть тесную взаимосвязь с политической системой. Руководство Узбекистана с самого момента получения независимости интересовало, прежде всего, проблема сохранения стабильности и управляемости в стране. Для этого необходим строгий контроль, в том числе, над банковской сферой. Включение национальной банковской системы в процессы глобализации привело бы к значительному уменьшению этого контроля. Так или иначе, но политика правительства в области кредитно-денежной системы уменьшает объем внутреннего рынка страны и способствует сохранению высокой доли теневой экономики.

2.7.2. Состояние фондового рынка и сектора финансовых и страховых услуг в Узбекистане (по 10-балльной шкале)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 3

Несмотря на то, что в Узбекистане действует Республиканская фондовая биржа, вторичный рынок ценных бумаг не развит, акции привлекательных компаний практически не обращаются на открытом рынке, а инвесторы ограничены в доступе к акциям наиболее ликвидных предприятий в ходе первичного размещения. В условиях, когда одна часть экономики управляется, по сути, командно-административными методами, а другая представляет собой традиционную базарную стихию, говорить о перспективах развития фондового рынка и сектора финансовых услуг достаточно сложно. Для этого руководство Узбекистана должно отказаться от «ручного управления» экономикой и перестать по политическим соображениям ограничивать возможности включения Узбекистана в процессы финансовой глобализации.

2.7.3. Прозрачность тендерных процедур, проводимых узбекскими госструктурами (по 10-балльной шкале).

Прозрачность бюджета Узбекистана

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 2,5.

Непрозрачность бюджета Узбекистана (по 10-балльной шкале)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 4

В условиях закрытой от собственного общества и внешнего мира авторитарной административно-политической системы, а также отсутствия независимых судов и прессы, говорить о прозрачности бюджета и сферы государственных закупок довольно сложно. Такая прозрачность противоречила бы самой сути режима и, более того, могла бы угрожать его стабильности, так как она подтвердила бы высокую степень коррумпированности властей. Тем не менее, стоит отметить, что прозрачность бюджета эксперты оценивают несколько выше, чем прозрачность тендеров на услуги. У этого также есть политическое объяснение. По ряду бюджетных позиций в парламенте республики ведется дискуссия. Отдельные элементы бюджета публикуются в

политических целях – для ознакомления с политикой государства собственного населения и международной общественности и для популяризации этой политики.

3. Примеры успеха и неудач бизнеса

3.1. Факторы успешного ведения бизнеса в Узбекистане (по 10-балльной шкале):

№ п/п	Факторы	Оценка
1.	Личный контакт с руководством страны	9.5
2.	Наличие поддержки со стороны собственного правительства	8
3.	Материальная заинтересованность чиновников	8
4.	Объемы инвестиций	7.5
5.	Уникальность товаров и услуг для рынка	6
6.	Высокое качество товаров и услуг, предлагаемых инвестором	5.5
7.	Предоставление технологий	9

Из предложенных к оценке факторов эксперты выше всего поставили личный контакт с руководством страны. Это объясняется строгим контролем всех иностранных инвестиций, который происходит на высшем уровне. Точных сведений о «смотре» проекта со стороны президента страны нет. Некоторые эксперты утверждают, что планка обязательного неформального утверждения находится на отметке всего лишь \$5 млн. По сведениям других экспертов, крупный проект, все-таки, начинается с десятикратно превосходящих данную отметку цифр. Таким образом, чтобы попробовать решить свои вопросы на самом вершине, надо вкладывать от \$50 млн. или даже от \$100 млн.

Важнейшим фактором успеха является поддержка собственного правительства, которая позволяет, например, китайским компаниям надолго отодвигать горизонт окупаемости проекта и минимизировать риски за счет прямого включения государственных институтов во все коммуникации. Кроме того, учитывая высокое политическое влияние КНР, а также уважение к Пекину и даже, отчасти, страх перед ним, испытываемый всеми центрально-азиатскими элитами (достаточно вспомнить, что влияние России в определенные периоды постсоветской истории таким пиететом в регионе никогда не сопровождалось), конфискация собственности китайских компаний маловероятна.

Объемы инвестиций все же менее значимый фактор, т.к. большой проект может отпугнуть руководство страны просто из-за слишком серьезных потенциальных социально-политических изменений, которые он может принести.

Анализ первых шести факторов, влияющих на успешность ведения бизнеса, показывает, что эксперты фиксируют четкий разрыв между интересами правящей элиты и общественными интересами в Узбекистане. Первые два фактора, по сути, связаны с личными интересами президента и/или его окружения, а также с их международным престижем и весом. Третий фактор говорит об интересах других, более низких слоев правящей элиты. Три последних фактора, собственно, и представляют собой общественный интерес, который доминировал бы в демократическом государстве с рыночной экономикой.

Часть экспертов в качестве важного фактора отметила необходимость получения доступа к технологиям, в которых остро нуждается Узбекистан. Ради этого компании-носители технологий на какое-то время работы в стране могут получить значительные преимущества и избежать произвола и административного давления. Однако в этом случае, очевидно, необходима прямая политическая поддержка со стороны руководства страны и/или высших эшелонов власти. Т.е. узбекская административно-политическая система должна определить, что данная технология, действительно, инновационна и нужна Узбекистану. В условиях крайне бюрократизированной и непрозрачной системы вместо меритократического отбора возникает лишь еще один серьезный «фильтр», через который может прорваться не всякая компания, реально обладающая новыми и полезными Узбекистану технологиями.

3.2. Наиболее успешные компании, работающие на рынке Узбекистана

В ответах на этот вопрос среди примеров доминируют компании добывающего сектора из России и Восточной Азии: ЛУКОЙЛ, Газпром, CNPC, PetroChina, KNOС, Kogas.

Газо- и нефтедобыча, разведка. В качестве успешных примеров в топливно-энергетическом бизнесе указываются российские ЛУКОЙЛ и Газпром, китайские CNPC International и CNODC, южнокорейские Kogas и Korea National Oil Corporation. ЛУКОЙЛ, являющийся крупнейшим иностранным инвестором в Узбекистане, в 2013 году должен вложить \$678,5 млн. в реализацию двух СПИ общей стоимостью \$4,3 млрд. Речь идет о проектах по освоению газовых месторождений Кандымской группы в Бухарской области и геологоразведочных работах на плато Устюрт, в которые российская компания планирует вложить \$392,3 млн., а в разработку месторождений на Южном Гиссаре - \$286,2 млн. На сегодня общий накопленный объем инвестиций ЛУКОЙЛа в Узбекистан составил около \$2,5 млрд. Общий план вложений компании в экономику страны - \$6 млрд.

Наиболее масштабным проектом китайских компаний остается строительство трубопровода «Центральная Азия-Китай», ведущегося CNPC с 2008 года. В декабре 2011 года было начато строительство новой линии газопровода протяженностью около 1840 км и с пропускной способностью до 25 млрд. куб.м газа ежегодно, предназначенного для перекачки объемов газа с новых месторождений в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане. Первые поставки газа по третьей ветке ожидаются в январе 2014 года. Финансирование строительства узбекского участка стоимостью \$2,2 млрд. осуществляется за счет кредитов Государственного банка развития Китая, а также прямых вложений CNPC²³.

Еще одна китайская компания CNODC, «дочка» CNPC, приступила к активной фазе разработки месторождения «Мингбулак» в Наманганской области общей стоимостью \$211,7 млн.

Консорциум южнокорейских компаний, возглавляемый Kogas, ведет строительство Устюртского газо-химического комплекса на северо-западе страны общей стоимостью \$4,1 млрд., из которых в 2013 году планируется освоить \$602 млн.

В рамках совместного предприятия Uzbekistan GTL с участием НХК «Узбекнефтегаз» южноафриканская Sasol строит крупный завод по производству синтетического топлива (gas to liquid) в Кашкадарьинской области на юге страны предварительной стоимостью \$3,7 млрд.

²³ <http://pda.uzinform.com/ru/news/20111218/10533.html>

В сфере телекоммуникаций, отмеченной скандалами с МТС и TeliaSonera, успешным примером остается компания «Юнител» («дочка» зарегистрированной на Бермудах VimpelCom Ltd, действующая под брендом «Билайн»), которое планирует вложить в развитие сети \$48 млн. в текущем году.

Опрошенные эксперты отмечают значительное количество успешных примеров вложений в узбекскую легкую промышленность. По масштабу эти инвестиции относятся к среднему бизнесу: узбекско-германское СП «Хива Карпет» и СП «Эл-текст», узбекско-турецкое «Хорезм - Нуртоп», итало-узбекское «ДарИтал ЛТД», «Тагус текстиль», «Пайтутгекс», «Сиркежи Ташкент текстиль» и др. Однако общий объем инвестиций в отрасль не так велик: в 2012 году из общего объема запланированных вложений в \$3,2 млрд. в легкую промышленность по 14 проектам должны были пойти прямые инвестиции в размере только \$87,6 млн., что меньше, чем в нефтегазовую, электроэнергетическую и телекоммуникационную сферы. По официальным итогам 2012 года, на легкую промышленность пришлось всего 3,9% из общего объема освоенных иностранных инвестиций в размере \$2,5 млрд.

В качестве «хрестоматийного» примера работы в Узбекистане часто приводится пример крупного СП GM-Uzbekistan, производящего «народные автомобили» для узбекского и российского рынков. СП было учреждено на паритетных началах между госкомпанией «Узавтосаноат» в 1996 году с участием корейской компании Daewoo Motor, а после ее банкротства в качестве инвестора был привлечен американский концерн General Motors. На сборочном производстве по полному циклу в Ферганской долине занято 5 тыс. человек. На GM Uzbekistan приходится до 94% автомобилей, произведенных в стране.

Вторым продуктом сотрудничества GM и «Узавтосаноат» является новый завод по производству двигателей GM Powertrain Uzbekistan, построенный в Ташкенте. GM владеет 52% пакета акций, оставшиеся 48% принадлежат АК «Узавтосаноат». В ноябре 2011 года стартовало коммерческое производство двигателей. Мощности завода способны производить 200 000 двигателей в год. Устанавливаться они будут как на автомобили, реализуемые в Узбекистане, так и за его пределами. На СП ожидается создание более одной тыс. рабочих мест.

3.3. Неудачные примеры инвестирования в экономику Узбекистана

История восхождения и падения «лимонадного короля» Мансура Максуди является наиболее красноречивым свидетельством специфических принципов ведения бизнеса в Узбекистане. В начале 1990-х афганский узбек по происхождению и американец по гражданству Мансур Максуди и старшая дочь президента Узбекистана Ислама Каримова Гульнара поженились. Примерно в это же время Мансур и его брат Фарид обратились в головной офис Coca-Cola с предложением развивать бизнес в Узбекистане. Уже в 1994 году было создано СП Coca-Cola Bottlers Tashkent Ltd., а в 1997 году функционировало три завода по розливу прохладительных напитков в Ташкенте, Кибрае и Намангане, в планах значилось открытие новых производств. Помимо розлива прохладительных напитков М. Максуди, успешно осваивал и другие виды бизнеса, включая торговлю сахаром, хлопком и нефтепродуктами.

Крупномасштабным планам бизнесмена помешал развод с Гульнаррой Каримовой, случившийся в 2001 году. Проверки и инспекции парализовали работу главного завода в Ташкенте, часть сотрудников М. Максуди была задержана под предлогом различных обвинений. Выставив опальному бизнесмену, который к тому времени уже бежал из страны в США, ряд налоговых претензий, узбекский суд просто лишил компанию М.

Максуди Roz Trading 57% акций головного предприятия, которые позже перешли компаниям, аффилированным с Zeromax, – фирме, конечным бенефициаром которой, по неофициальным данным и свидетельствам самого М. Максуди, являлась сама Гульнара Каримова.

Обращения братьев Максуди к конгрессменам и в госдепартамент США привели лишь к тому, что всех задержанных сотрудников отпустили на свободу. Через несколько лет М. Максуди отправился в суд и, осознав бесперспективность попыток добиться компенсации от узбекских властей, подал в арбитражные суды Австрии и США два иска на \$200 млн. Один адресовался компании Coca-Cola по обвинению в сговоре с властями Узбекистана²⁴, второй – компании Zeromax.

Показательно, что Zeromax фигурирует и в деле Oxus Gold, о котором подробнее написано ниже. В 2006 году чтобы сохранить присутствие в стране, Oxus Gold была вынуждена уступить 16% акций швейцарско-узбекской компании Zeromax GmbH, к тому моменту уже ставшей крупнейшим частным инвестором в самые разные отрасли узбекской экономики. Причину быстрого успеха этой компании на узбекском рынке многие наблюдатели видели в широкомасштабном использовании самых жестких методов рейдерства, вплоть до силовых²⁵.

Интересно отметить, что американские дипломаты долгое время не воспринимали действия Zeromax как угрозу. В подборке депеш, опубликованных скандальным сайтом Wikileaks, лишь в январе 2010 года появляется сообщение посла США в Узбекистане Ричарда Норланда о необходимости очень осмотрительно действовать, имея дело с Zeromax.

В мае 2010 года Zeromax неожиданно объявила о банкротстве. Инвесторы потребовали от узбекского правительства вернуть им порядка 4 млрд. швейцарских франков (более \$5 млрд.)²⁶. Главу компании Мирадыла Джалалова задерживали для допроса, однако впоследствии отпустили. Согласно одной из версий, ликвидация компании была проведена с целью рассредоточения активов и частичного вывода средств за пределы Узбекистана.

Одним из наиболее громких инвестиционных скандалов в Узбекистане стало дело британского золотодобытчика Oxus Gold. Его вложения в СП «Амантайтау Голдфилдс» и месторождение Хандиза были экспроприированы в результате инспирированных властями Узбекистана преследований. 17 сентября 2012 года Oxus Gold подал иск к Правительству Узбекистана в Международный арбитражный суд.

Оценка компанией потерь от действий узбекского правительства составляет \$400 млн. Oxus Gold обвиняет узбекское правительство в несправедливом и дискриминационном обращении с ней и ее дочерними предприятиями. Проблемы начались, после того как в результате аудита британская фирма была обвинена в финансовых нарушениях. Oxus Gold попыталась уладить конфликт напрямую с руководством республики, но натолкнулась на недоступность чиновников.

В итоге Oxus Gold решила отреагировать на аудит отказом от управления компанией «Амантайтау Голдфилдс», 50% которой принадлежит британцам. В марте 2011 года компания уведомила Ташкент о своем намерении обратиться к договору об инвестиционном арбитраже между правительствами Узбекистана и Великобритании. Параллельно Oxus заручилась поддержкой инвестиционной группы Calunius Capital,

²⁴ История получила продолжение в июле 2012 года, когда в Женеве были арестованы два гражданина Узбекистана, работавшие в компании «Кока-кола Узбекистан по обвинениям в отмывании денег.

²⁵ http://www.foreignpolicy.com/articles/2009/11/13/lowering_the_bar

²⁶ http://www.rferl.org/content/Zeroing_In_On_The_Demise_Of_Uzbekistans_Cash_Cow/2073867.html

решившей оплатить расходы британцев на арбитражное разбирательство.²⁷ В качестве ответной меры в июле 2011 года в Английский Высокий суд поступил иск министерства финансов Узбекистана, потребовавшего от британцев выплаты \$10 млн. в качестве особых дивидендов. Точно также, как и в предыдущих похожих случаях, уголовному преследованию подвергся персонал компании. В августе 2011 года военный суд Узбекистана приговорил бывшего главного металлурга СП «Амантайтау Голдфилдс» Саида Ашурова к 12 годам тюремного заключения по обвинению в шпионаже²⁸. К настоящему моменту хозяйственный суд в Узбекистане признал в феврале этого года «Амантайтау Голдфилдс» банкротом, определив три месяца на ликвидацию предприятия.

Подобный же случай произошел с активами российской «Вимм-Билль-Данн». В 2010 году власти Узбекистана просто конфисковали молочный завод в Ташкенте решением Ташкентского городского суда по уголовным делам. С 2003 по 2006 год по согласованию с правительством Узбекистана «Вимм-Билль-Данн» вложила в модернизацию завода АО «Ташкентсуг» около \$10 млн. В 2006 году компания неожиданно попала в список предприятий, у которых по решению президента страны были отобраны все налоговые и таможенные льготы. Еще через три года, в 2009 году, на российском предприятии началась комплексная проверка финансово-хозяйственной деятельности, последовало его закрытие в судебном порядке, а затем и передача под контроль государства.

Потерей активов обернулся и узбекский бизнес израильской компании Metal-Tech, владевшей половиной акций металлургического завода «Узметалл технолоджи» на паритетных началах с Алмалыкским горно-металлургическим комбинатом и Узбекским комбинатом тугоплавких и жаропрочных металлов. С 2000 по 2006 год израильская компания провела реконструкцию молибденового производства в Узбекистане общей стоимостью \$19,4 млн. Работа компании была остановлена в 2006 году в связи с отменой правительством эксклюзивного права на поставку молибденового сырья, мотивированной несоответствием фактических и заявленных объемов продукции. По мнению инвестора, действия правительства привели совместное предприятие к банкротству. Имущество «Узметалл технолоджи» выставлялось на торги, однако впоследствии было с них снято в связи с отсутствием покупателей. В январе 2010 года Metal-Tech подал против Узбекистана иск в Международный центр разрешения инвестиционных споров (МЦУИС)²⁹, по состоянию на май 2013 года окончательное решение еще не вынесено.

В период с 2009 по 2011 годы серьезно пострадали интересы турецкого бизнеса. За этот время было закрыто около 50 совместных узбекско-турецких предприятий, среди которых крупные супермаркеты «Демир», торговый центр «Туркуаз» в Ташкенте, фирма «Илкай» и др.), а в феврале 2012 года власти Узбекистана депортировали сразу восемь турецких бизнесменов. Все они были осуждены в Узбекистане по обвинению в уклонении от уплаты налогов и содействии в развитии теневой экономики, их имущество в республике конфисковано. Но бизнесмены были сразу же амнистированы и выдворены из страны. Еще один турецкий предприниматель, имеющий вид на жительство в Узбекистане, осужден на три года лишения свободы и выплату штрафа в размере более \$15 тыс.

Действия властей не всегда носят характер полномасштабной «атаки» контролирующих органов. Филиал индийской текстильной компании Spentex Industries «Спентекс Ташкент Тойтепа» стал банкротом, из-за чего компания понесла убытки в

²⁷ <http://www.fergananews.com/news.php?id=19473>

²⁸ <http://www.fergananews.com/news.php?id=17215>

²⁹ <http://metalsplace.com/news/articles/32713/metal-tech-files-international-arbitration-against-uzbekistan/>

размере \$100 млн. Spentex Industries приобрела узбекскую фирму после ее банкротства в 2006 году и должна была осуществить выплаты по сумме сделки до окончания 2010 года. По мнению узбекской стороны, компания свои обязательства в отношении улучшения финансовых и производственных показателей не выполнила, в результате чего договор с инвестором был расторгнут. Spentex считает, что филиал вошел в долги из-за изменения политики и законодательства правительством республики, которое нарушило как инвестиционное соглашение между компанией и правительством, так и инвестиционное соглашение между Индией и Узбекистаном. В июне 2012 года представители компании заявляли о намерениях подать иск в международный арбитраж, однако в сентябре появились сообщения о возможности мирового соглашения³⁰ и получения компенсации компанией³¹. По мнению эксперта, близко знакомого с ситуацией, промах Spentex заключался в даче взятки чиновникам и необоснованном доверии их обещаниям, в итоге невыполненным. Однако, несмотря на усилия Spentex спасти бизнес и важность отношений Узбекистана с Индией, переговоры зашли в тупик. В мае этого года предприятие по решению суда было объявлено банкротом, а в июне было принято решение выставить активы предприятия на продажу при стартовой цене \$68,5 млн.

Последний по времени и чрезвычайно мощный по международному резонансу скандал произошел в Узбекистане в 2012 году.

С июня 2012 г. серьезные проблемы начались у крупнейшего в стране сотового оператора «Уздунробита», 100% дочернего предприятия компании МТС. В результате одновременных внеочередных проверок со стороны более чем десяти государственных органов генеральной прокуратурой были инициированы изъятие документов, опись имущества, проведение арестов и допросов сотрудников компании. Общая сумма претензий, предъявляемых налоговыми органами и регуляторами во время проверок и следствия, доходила до \$1 млрд., что соответствовало объему вложений МТС в Узбекистане. Бывший глава «Уздунробиты» Бехзод Ахмедов, скрываясь от преследования, покинул страну и был объявлен узбекскими властями в розыск через Интерпол.

В июле российскому оператору отключили сеть на всей территории Узбекистана, оставив без связи 9,5 млн. абонентов, которые в итоге перешли к конкурентам. Затем по решению Ташкентского суда, были отозваны все лицензии оператора. В конце августа с санкции Генпрокуратуры был проведен арест имущества «Уздунробиты», а в сентябре 2012 г. Ташкентский городской суд по уголовным делам приговорил четырех сотрудников «Уздунробиты» к выплате крупных штрафов и исправительным работам. Суд также постановил обратить всё имущество компании в доход государства в счет погашения ущерба, якобы нанесенным менеджерами компании. Компания оспорила судебное решение и в ноябре апелляционная коллегия Ташкентского городского суда отменила решение суда первой инстанции о передаче активов «Уздунробиты» в пользу государства, определив объем претензий в размере \$600 млн. Данное решение дало МТС и ее основному акционеру – АФК «Система» - надежду вернуться на узбекский рынок на новых условиях, однако переговоры ни к чему не привели – вопрос не удалось решить и в ходе заседания узбекско-российской межправительственной комиссии, состоявшегося в Ташкенте 13 декабря 2012 года. В результате «Уздунробита» оказалась не в состоянии выплатить сумму по искам. После того как со счетов компании были списаны последние средства, в январе этого года оператор был вынужден подать в суд заявление о своем банкротстве. В апреле Хозяйственный суд Ташкента признал «Уздунробиту» банкротом,

³⁰ <http://www.12.uz/ru/news/show/economy/11353/>

³¹ http://www.spentex.net/q_endstandalone_jun12.html

открыв ликвидационное производство сроком на один год. Как следствие – МТС потеряла операционный контроль над своей дочерней компанией, а ликвидационная комиссия распорядилась выставить 1 июля на аукционные торги активы «Уздунробиты» при стартовой цене \$288 млн.

МТС с начала проверок указывала на процессуальные нарушения и пренебрежение следователями Генпрокуратуры нормами узбекского и международного права – на обвиняемых и допрашиваемых работников «Уздунробиты» оказывалось сильное психологическое давление с целью получения от них самообличающих признательных показаний. В общей сложности по делу «Уздунробиты» по обвинениям в финансовых нарушениях было осуждено 11 человек, которые были приговорены к штрафам и исправительным работам. По мнению некоторых опрошенных экспертов, учитывая масштаб давления и требуемый для этого уровень санкций, за отъемом активов компании предположительно стоит Гульнара Каримова, желающая вернуть «Уздунробиту», чья цена значительно выросла за время нахождения в собственности у МТС с 2004 года³².

Действия узбекских властей и аресты сотрудников компании вызвали резкую реакцию в России и за рубежом. В разгар конфликта министр иностранных дел Сергей Лавров провел разговор со своим узбекским коллегой Абдулазизом Камиловым, после чего был освобожден и вернулся в Москву и.о. гендиректора «Уздунробиты», гражданин России Радик Даутов. В августе и сентябре 2012 года несколько конгрессменов США пригрозили узбекским властям ухудшением двусторонних отношений и призвали учесть позицию МТС, напомнив, что акции МТС котируются на Нью-Йоркской фондовой бирже и находятся во владении американских инвесторов, в том числе связанных с правительством фондов³³. Вмешались в ситуацию и российские следственные органы и регуляторы: в сентябре прошлого года – МВД России возбудило уголовное дело в связи с вытеснением МТС с узбекского телекоммуникационного рынка³⁴, а в мае с.г. ФАС инициировала антимонопольное расследование в отношении двух узбекских операторов³⁵. По итогам 2012 года МТС списала из чистой прибыли более \$1 млрд. по активам в Узбекистане, то есть фактически полную стоимость своих инвестиций. Иск МТС против Узбекистана был зарегистрирован в МЦУИС в ноябре 2012 года.

4. Изменение инвестиционного климата в Узбекистане

ИНВЕСТ КЛИМАТ В УЗБЕКИСТАНЕ	УЛУЧШИЛСЯ	ОСТАЛСЯ НЕИЗМЕННЫМ	УХУДИЛСЯ
ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД	10% экспертов	50% экспертов	40% экспертов
ЗА ПОСЛЕДНИЕ 5 ЛЕТ	40% экспертов	12% экспертов	48% экспертов

Прямой вопрос о векторе изменения инвестиционного климата мы разделили на два подвопроса, попросив экспертов отдельно выделить свое отношение к процессу

³² В 2004 году МТС приобрела 75% акций Уздунробиты за \$126 млн., а в 2007 году докупила оставшийся пакет за \$250 млн у неназванного «частного инвестора»

³³ <http://lenta.ru/news/2012/09/04/mts/>

³⁴ <http://tasstelecom.ru/news/one/13017>

³⁵ http://www.fas.gov.ru/fas-news/fas-news_34289.html

привлечения и удержания иностранных капиталов Узбекистаном в рамках одного года и в рамках пятилетнего цикла.

Результаты получились достаточно неожиданные. Половина опрошенных экспертов не увидели в 2012 году никаких изменений, поэтому общее мнение можно признать умеренно-отрицательным. Тогда как в пятилетней ретроспективе эксперты разделились почти поровну на тех, кто видит улучшение инвестиционного климата, и тех, кто видит исключительно его ухудшение. Таким образом, режим И. Каримова продолжает подавать разнонаправленные сигналы, но все чаще инсайдеры и эксперты просто игнорируют их, не считая, что узбекские власти реально стремятся изменить ситуацию к лучшему.

Среди факторов позитива следует отметить, что за последние пять лет действительно произошли изменения нормативно-правовой базы, в частности, были либерализованы налоговый и таможенный кодексы. При формальном подходе это позволяет сделать вывод об улучшении условий ведения бизнеса в республике, в том числе и для иностранных инвесторов. Как поясняет один из экспертов: «Законодательно они улучшили климат, добавили и увеличили сроки существования предприятий с иностранным капиталом, убрали ряд налогов и изъятий, де-юре он улучшился очень сильно, а вот де-факто – нет».

Большинство же опрошенных экспертов прямо назвали эту ситуацию мнимыми или фасадными реформами. К сожалению, следует констатировать, что большая часть новаций осталась на бумаге, правовой и институциональный вакуум подменяется «ручным управлением», субъективным и политизированным применением формальных процедур, а иногда и прямым насилием правоохранительных органов в отношении бизнеса. Среди главных факторов негатива в пятилетней ретроспективе эксперты отмечают уже описанное ранее скандальное дело Oхus Gold, неожиданное банкротство близкой к властям Узбекистана корпорации Zeromax GmbH, а также экспроприацию ряда прибыльных активов у иностранных компаний. Недавние примеры возросших рисков для инвесторов – отъем бизнеса у казахстанской United Cement Group, проблемы на местном рынке у датской Carlsberg Group, завершившиеся возобновлением работы компании после годичного перерыва из-за налоговых претензий. За прошедший год, по мнению опрошенных нами экспертов, особенно сильно на ситуацию с инвестиционным климатом повлияла атака властей на бизнес МТС.

К факторам негатива эксперты однозначно относят сохранение значительной доли теневой, нелегальной экономики. По различным оценкам, объем теневой экономики Узбекистана сопоставим или превышает официальный ВВП. **Растущее административное вмешательство и барьеры все больше уводят бизнес в тень. Существующие в Узбекистане валютные, финансовые и внешнеторговые ограничения вкупе с государственным дирижизмом и вмешательством властей всех уровней в деятельность хозяйствующих субъектов создает преференции для госкомпаний и небольшого числа предприятий, аффилированных с чиновниками и влиятельными теневыми группами. Задача государственных институтов, как считают эксперты, обеспечивать интерес высокопоставленных чиновников в любых прибыльных проектах, а значит, поддерживать существующую систему у власти. В этих обстоятельствах основная масса предпринимателей вынуждена частично уходить в тень.**

5. Инвестиционная привлекательность отдельных отраслей экономики Узбекистана

5.1. Степень привлекательности отраслей экономики Узбекистана для инвестиций

(по 10-балльной шкале, где 1 – минимальная привлекательность):

№ п/п	Отрасли	Оценка
1.	Добыча газа	7
2.	Добыча урана	6,5
3.	Добыча нефти	6
4.	Добыча драгоценных металлов	6
5.	Легкая промышленность (текстиль)	6
6.	Туризм	6
7.	Хлопководство	5,5
8.	Сельское хозяйство	5,5
9.	Телекоммуникации	5,5
10.	Логистика и грузоперевозки	5,5
11.	Химическая промышленность	5,5
12.	Добыча цветных металлов	5
13.	Машиностроение	5
14.	Ритейл	5
15.	Строительство	4,5
16.	Фармацевтика	4,5

Представленная выше таблица дает общую картину привлекательности отраслей узбекской экономики с точки зрения сравнительного анализа их инвестиционного потенциала, в первую очередь, для зарубежного капитала. При этом разброс мнений экспертов был достаточно велик и даже заведомому фавориту зарубежных инвесторов - газовой отрасли - ряд экспертов поставили низкие оценки привлекательности. По мнению большинства опрошенных, Узбекистан не может конкурировать с Казахстаном по привлекательности вложений ни в какую из отраслей, а если сравнивать наиболее привлекательные узбекские отрасли с китайскими, то выставленные экспертами индексы и вовсе могут принять отрицательные значения.

Отсутствие максимальных оценок (нет оценок выше 7 баллов) даже для добывающих отраслей Республики объясняется скромными, в сравнении с соседями (Казахстаном и Туркменистаном), запасами углеводородов. Отталкиваясь от межотраслевого сравнения, общее экспертное мнение выделяет две наиболее перспективные отрасли узбекской экономики – добычу газа и добычу урана.

Нефтедобыча получила не самый высокий балл и это логично, так как в настоящее время Узбекистан нетто-импортер нефти. Один из экспертов отметил, что *«еще лет пять назад была установка выйти на самообеспечение нефтью и нефтепродуктами. Но не удержались на установленной планке и сейчас вынуждены импортировать*

нефтепродукты. Даже при обширных программах замещения в транспорте нефтепродуктов на газ, стране все равно не хватает бензина. Нефтедобыча падает, месторождения истощены – инвестициям пока идти некуда. Но разведка идет, в т.ч. со стороны западных компаний».

Нельзя забывать, что примерно половина всех иностранных инвестиций направляется именно в разработку и освоение небольших даже в региональном масштабе запасов нефти и газа. Так, в прошлом году эта тенденция только усилилась, согласно принятой на 2012 году инвестиционной программе, из общих запланированных иностранных инвестиций в объеме в \$3,198 млрд., до \$2,2 млрд. предполагалось направить в нефтегазовую сферу. Однако фактические цифры вложений оказываются скромнее. По данным Госкомстата, в 2012 году объем освоенных в экономике иностранных инвестиций снизился на 5,6% по сравнению с 2011 годом - до \$2,53 млрд, при этом иностранные вложения в ТЭК составили всего \$764 млн. Объяснением этому является то обстоятельство, что геологоразведка, проводимая компаниями, не всегда оказывается удачной. Так, осенью 2012 года стало известно, что корейская Daewoo International Corp из-за отсутствия результатов прекратила длившиеся четыре года геологоразведочные работы на двух инвестиционных блоках на плато Устюрт. Однако корейцам предложили новые территории с предполагаемыми запасами в 360 миллионов тонн условного топлива.

Сенсацией прозвучала недавняя новость о выходе малазийской Petronas из всех проектов по разработке и добыче углеводородов в Узбекистане. В мае этого года стало известно, что компания отказалась от участия в двух СРП - по разработке газоконденсатных месторождений на плато Устюрт и по разработке нефтегазовых месторождений Бойсунского инвестблока. Эти соглашения на 15 и 35 лет соответственно были подписаны с правительством Узбекистана в 2008-2010 годах, однако все это время о сроках начала добычи на этих блоках никаких объявлений не делалось. Источник, близкий к компании, объяснил данное решение «стратегией компании по оптимизации своей деятельности в регионе»³⁶. Последние два года Petronas постепенно сворачивала свою деятельность в республике. В мае 2011 года компания вышла из состава международного консорциума по разведке и разработке в узбекской части акватории Аральского моря в рамках СРП, а в июне того же года снизила свою долю с 33,3% до 11% в проекте строительства GTL-завода по производству синтетического топлива на базе Шуртанского газохимического комплекса в Кашкадарьинской области. В апреле 2013 года Petronas вышла из проекта по геологоразведочным работам на Сурханском инвестиционном блоке, после того как проведенная геологоразведка показала коммерческую нецелесообразность дальнейшей его разработки.

Эти факты подтверждают мнение одного из экспертов, согласно которому не все предлагаемые правительством месторождения для геологоразведки являются перспективными на фоне высоких инвестиционных рисков в стране. Тем более, что в Узбекистане за последние годы прирост вновь разведанных месторождений пока не замещает истощение давно эксплуатируемых.

Однако, несмотря на очевидные неудачи инвесторов в геологоразведке, добыча газа остается единственной наиболее интересной сферой для приложения капитала. В пользу этого говорят большой объем добычи, большой внутренний рынок, диверсифицированная инфраструктура для экспорта. Если когда-нибудь произойдет либерализация узбекского внутреннего газового рынка, то инвестиции придут, т.к.

³⁶ <http://lprime.ru/oil/20130522/763554621.html>

внутреннее потребление страны оценивается приблизительно в 50 млрд. кубометров в год или порядка 80% всей добычи, что вполне сравнимо с украинским рынком. Этому есть простое объяснение. Исторически Узбекистан – самая газифицированная республика Центральной Азии. Вся бытовая и промышленная инфраструктура страны «заточена» под использование природного газа. Однако, как отмечают эксперты, без либерализации внутреннего рынка использовать имеющийся потенциал сложно.

Интерес к ТЭК Узбекистана отчасти объясняется и тем, что в 2011 году начала работать узбекская ветка газопровода в Китай, хотя эксперты оценивают долю экспорта узбекского газа в данном направлении не более чем в 10%, остальные 90% по-прежнему уходят в Россию. Общий объем экспорта составлял в 2012 году более 12,5 млрд. кубометров с учетом новых мощностей, введенных «ЛУКОЙЛом». Один из наших экспертов заявил, что наметилась значимая тенденция к замене внутреннего рынка на внешний – своеобразная политика вывоза дефицитных ресурсов. Например, продолжается переток электроэнергии в Афганистан, несмотря на нехватку мощностей для покрытия внутренних нужд населения. В некоторых регионах, особенно в сельской местности, население испытывает перебои с газоснабжением в зимнее время, а в стране в 2011 году принята программа перевода домохозяйств и предприятий на уголь, предусматривающая удвоение добычи угля в 2016 году до 6,4 млн. тонн.

Однако, несмотря на ориентацию на экспорт, газовый сектор для новых игроков утрачивает былую привлекательность – в августе 2009 года в стране были ликвидированы налоговые преференции для иностранцев в рамках СРП. Согласно поправкам в Налоговый кодекс, участники СРП будут платить налог на прибыль, земельный налог, налог на пользование водными ресурсами и единый социальный платеж на общих с резидентами основаниях, если на момент заключения СРП не были прописаны конкретные ставки по этим налогам. Для иностранных компаний также был введен предусмотренный для резидентов акциз на углеводородное сырье в размере 25% от его таможенной стоимости и увеличена до уровня резидентских ставка налога на пользование недрами (роялти) до 30% с 4,1%. Правда, по уже действующим СРП акциз будет введен с десятилетней отсрочкой со дня вступления СРП в силу. До этих налоговых новаций несколько СРП с Узбекистаном заключили ЛУКОЙЛ, Газпром, китайская CNPC и корейская KNOС. Теперь не удивительно, в стране неохотно идут на создание новых СРП. Нельзя не отметить, что ЛУКОЙЛ при всех сложностях доволен работой в республике.

Добыча драгметаллов, цветных металлов, урана и угля – потенциально прибыльный бизнес (учитывая относительно большие запасы, по сравнению с нефтью и газом), но туда привлекается мало инвестиций. *«Мировые рынки в этих видах сырья не столь нуждаются. Это сверхконтролируемые ниши экономики, и мало игроков вообще в состоянии на них работать»*, – поясняет один из наших респондентов.

После изгнания американской компании Newmont золотодобыча в Республике, как говорит один из экспертов, *«стала личным кошельком И. Каримова, экспорт золота никак не отражен в статистике внешней торговли»*. Навоийский горно-металлургический комбинат (НГМК), владеющий крупнейшим в мире золотодобывающим карьером Мурунтау, является государственным предприятием. Однако часть экспертов считает, что неформальное участие американского бизнеса в этой сфере продолжается.

Добыча урана в Узбекистане – крайне закрытая сфера, где наибольшую активность проявляют японцы и американцы. С начала независимости основной объем урана шел на экспорт через американскую компанию Nukem. До 2011 года Nukem обладала эксклюзивным правом на поставку узбекского урана. Вместе с тем, с 2006 года после

визита японского премьера Д. Коидзуми в Казахстан и Узбекистан (пока единственного за всю историю отношений Японии со странами региона), японская позиция усилилась ввиду политики «ядерного возрождения» и диверсификации энергоресурсов, проводимой Токио до аварии на Фукусимской АЭС. Параллельно, правительство Узбекистана стремилось к максимизации прибыли от поставок урана и диверсификации покупателей, зондируя перспективы сотрудничества с Японией, Индией и Россией³⁷. В сентябре 2006 года было подписано межправительственное соглашение между Японией и Узбекистаном о финансировании добычи урана, а в 2007 году компания Itochu договорилась с НГМК о намерении создать СП для развития технологии добычи урана из черносланцев. В 2008 году соглашение с Госкомгео Узбекистана подписал и концерн Mitsui – неформальный «дуаён» японского бизнеса в стране. Интерес для Mitsui представляла Западно-Кокпатасская шахта в Навоийской области, где в разных проектах индустриальной зоны участвуют и другие фирмы из Японии. В 2009 году Госкомгео заключил договор с японской госкорпорацией JOGMEC – правительственным органом, содействующим японским компаниям, занятым в добыче углеводородов и металлов. В 2011 году после февральского визита И. Каримова в Японию, корпорация Itochu и все тот же монополист НГМК подписали десятилетний контракт на регулярную закупку урана для нужд промышленности Японии в обмен на инвестиции в развитие добычи урана в республике. Параллельно Япония выдала Узбекистану кредит размером в \$228 млн. по линии официальной помощи развитию. Заем был предназначен для постройки железной дороги, в свою очередь необходимой для транспортировки невоенных грузов в Афганистан.

Принимая во внимание «концерт» японских и американских игроков (например, Toshiba владеет контрольным пакетом акций Westinghouse), речи об уходе Nukem из Узбекистана не идет. В августе 2012 года объявлялось о возможности подписания нового соглашения либо дополнения к текущему соглашению, действительному до 2013 года³⁸.

Россия, чьи месторождения урана истощены и в долгосрочной перспективе не позволят остаться в тройке мировых игроков мирного атома, по-прежнему безуспешно пытается войти в проекты по добыче урана на территории Узбекистана. Неудачи на данном направлении сотрудничества показывают, что внутри разных отраслей в Узбекистане действуют разные принципы. Если в добыче нефти и газа российские компании - желанные гости, то разработка урана может оказаться для них недоступной.

При этом эксперты особенно отмечают, что в сфере добычи полезных ископаемых участвовать в реализации любых проектов может только очень крупный бизнес *«Во всех этих проектах (добыча энергоносителей и сырья) интерес может быть только у крупного капитала»*. Таким образом, доступ к наиболее привлекательным отраслям экономики серьезно ограничен. Один из экспертов подчеркивает: *«Любой бизнес в Узбекистане должен нести высокие транзакционные издержки, а цена «входного билета» на местный рынок для инвесторов высока или зависит от благосклонности властей»*.

Некоторые респонденты достаточно высоко оценили потенциал нефтехимической промышленности, хотя интегральная оценка и не превысила 5,5 баллов. Как считается, руководство республики нацеливается на формирование кластеров переработки добываемого сырья, в первую очередь природного газа, поэтому в ближайшее время можно ожидать появления крупных проектов в области нефтехимии, если их будут поддерживать на самом высоком уровне.

³⁷ <http://www.cablegatesearch.net/cable.php?id=07TASHKENT1682>

³⁸ http://www.nuclear.ru/rus/press/nuclear_cycle/2127525/

Потенциал развития туристической отрасли страны получил 6 баллов, то есть был оценен выше среднего. Действительно, стране есть что показать иностранному туристу, и даже без специальных программ туристы едут в древние города страны, однако крупные гостиницы монополизированы государством. За последние годы от управления крупными гостиницами в Ташкенте отказались такие международные сети отелей как InterContintal и Sheraton. Контроль над новыми игроками серьезный и тут сложно войти на рынок, причем придется выдерживать конкуренцию с местным семейным бизнесом. Государство, по мнению ряда экспертов, активно душит малый гостиничный бизнес, отбирает земли.

Привлекательность для инвестиций сельского хозяйства республики эксперты оценили в 5,5 баллов, однако следует учитывать, что данная деятельность крайне рискованна и малоприбыльна из-за дефицита поливной воды³⁹, плохого качества почв, истощенных постоянными посевами монокультуры хлопка (с соответствующим применением дефолиантов), засоления, преобладания ручного труда, сильного государственного контроля и диктуемых государством низких закупочных цен на хлопок.

Хлопководство, которое эксперты оценили в 5,5 балла, интересно тем компаниям, которые хотели бы получить возможность замкнуть свою производственную цепочку. Так, российскому бизнесу хотелось бы контролировать весь процесс от сбора хлопка-сырца до производства готовой одежды, чтобы понимать, куда и сколько надо инвестировать, пока же удается только покупать готовый продукт.

В машиностроении, оцененном экспертами на 5 из возможных 10 баллов в плане инвестиционной привлекательности ситуация не столь радужная. Узбекистан уже потерял статус авиапроизводителя, полученный в качестве советского наследия. Легендарный ТАПОиЧ⁴⁰ подвергся процедуре банкротства и производство самолетов на нем полностью свернуто. Это стало прямым результатом того, что Москва не пошла на условия Ташкента в вопросах цены поставок самолетов для Министерства обороны, а также вхождения ташкентского предприятия в Объединенную авиастроительную корпорацию. В итоге производство модернизированного транспортного самолета ИЛ-76 было перенесено в Ульяновск.

Инвестиции в машиностроение и автомобилестроение возможны в Республике (5 из возможных 10 баллов), но любая компания столкнется здесь со значительными трудностями. Во-первых, развитие обрабатывающей отрасли страны тормозит острый дефицит квалифицированной рабочей силы. Один из экспертов так говорит о человеческом капитале: *«Рабочие совершенно не квалифицированы, без знания русского. Даже друг друга не все понимают»*. Отметим, что в последнем индексе ООН Узбекистан отнесен к странам со средним уровнем человеческого развития - 115 место⁴¹. Во-вторых, на внутреннем рынке полностью отсутствует конкуренция, а значит и стимулы к производству качественных товаров, а выходы на внешние рынки жестко контролируются, что создает прекрасные условия для давления на бизнес.

Телекоммуникационная отрасль, с одной стороны, сохраняет значительную привлекательность благодаря динамике развития и приоритетному вниманию правительства, однако, с другой стороны, ее инвестиционные перспективы в последнее время сильно омрачились коррупционными скандалами (TeliaSonera) и интервенционизмом властей на грани с произволом, продемонстрированным в деле МТС.

³⁹ В Узбекистане крайне высока доля искусственно орошаемых земель

⁴⁰ Ташкентское авиационное производственное объединение имени Чкалова (ТАПОиЧ), экс-монополист по производству военно-транспортных самолетов Ил-76

⁴¹ <http://hdrstats.undp.org/en/countries/profiles/UZB.html>

Во второй половине 2000-х годов в стране была реализована инвестиционная программа, в рамках которой сети фиксированной связи были почти полностью оцифрованы, а количество пользователей мобильной связи выросло в двадцать раз: с миллиона до двадцати миллионов человек. Для реализации программы были привлечены как государственные ресурсы и международные кредиты, так и инвестиции операторов, в частности, иностранных, которые контролируют мобильную связь в стране. Общая сумма инвестиций составила около \$1,5 млрд.⁴² Это позволило Узбекистану войти в десятку стран с самым высоким индексом инвестиционной привлекательности рынка сотовой связи, согласно Индексу Altimo.

Несмотря на эти успехи, эксперты дают консервативную оценку отрасли – 5,5. Рискованность инвестиций в сектор была подчеркнута скандалами последнего года вокруг компаний TeliaSonera, попавшей под судебное разбирательство из-за связей с Гульнаррой Каримовой, и МТС, потерявшей в результате атаки властей крупнейший актив на мобильном рынке Узбекистана с долей почти 40%.

Отрасль розничной торговли (ритейл) получила всего 5 баллов из 10 возможных, но некоторые эксперты отмечают его как перспективную и растущую отрасль. В настоящее время в Узбекистане начинают появляться современные сетевые ритейлеры, происходит тот же самый процесс, который начался в России 10-15 лет назад. *«Народ перестает ходить на рынки, начинает ходить в цивилизованные универмаги с тележками и парковкой. Потенциал роста высокий»*, - отмечает один из наших собеседников.

Фармацевтика наряду со строительством получила самый низкий балл – 4,5. Хотя на рынке Узбекистана присутствуют в т.ч. и условно российские компании (например, STADA CIS) никаких планов по открытию производств не объявляется, предпочтение отдается консервативной работе по дистрибуции импортируемой продукции.

Низкий балл строительной отрасли (4,5) связан с двумя условиями. Во-первых, есть непрозрачный и насыщенный внутренний рынок, где работают местные компании, во-вторых, все крупные строительные подряды в рамках инфраструктурных проектов с зарубежным участием раздают их непосредственные инициаторы, а значит, возможность в них поучаствовать зависит от отношений с крупным бизнесом и государством, а не от особого положения на рынке Узбекистана.

Из инвестиционных преимуществ несколько экспертов выделили большое количество недоиспользуемой дешевой рабочей силы, но этим могут похвастаться как соседние центральноазиатские государства, так и многие страны Юго-Восточной и Восточной Азии. Поэтому говорить о наличии глобального преимущества Узбекистана в данной сфере не приходится.

Один из экспертов особо отметил, обращая внимание на свои в целом высокие оценки потенциала узбекских отраслей: *"Следует понимать, что почти все сферы, быть может, за исключением химии и фармацевтики⁴³, в реальности крайне сложны для входа внешних инвесторов, хотя и перспективны. Узбекистан имеет большой внутренний рынок. Импорт товаров идет только для относительно богатых людей. А все остальные 26 млн. населения живут с того, что производится и выращивается внутри страны"*. В этих условиях внутри страны медленно идет процесс накопления собственного национального капитала, который сложно применить. Отсюда большой интерес к сфере строительства и покупке дорогих машин - по сути это единственное, во что можно легально вложить деньги внутри страны. Рост потребления искусственно сдерживается

⁴² <http://news.olamu.z/it/3715.html>

⁴³ Потенциал по объединенному индексу привлекательности отраслей 5,5 и 4,5 соответственно

правительством. Один из экспертов приводит такой пример: *«наличными зарплату в республике получить крайне сложно, потратить заработанное можно только через карточку, которую не везде примут, в итоге большая часть денег населения так и остается на карточках».*

Резюмируя, можно сказать, что у ряда добывающих отраслей узбекской экономики есть неплохой потенциал роста. Однако нельзя не учитывать не богатые в сравнении с соседями природные ресурсы, высокие риски безопасности и непредсказуемую инвестиционную среду. Если сравнивать отрасли не между собой, а, скажем, с потенциалом вложений в Казахстан, то потенциал экономики Узбекистана для внешнего инвестирования оказывается крайне низок и узок. Следует констатировать, что республика в целом демонстрирует средний уровень привлекательности отраслей при огромных рисках и сложном входе для внешнего инвестора.

5.2. Привлекательность для инвестиций отдельных узбекских проектов (по 10-балльной шкале)

Проекты	Оценка
Освоение нефтегазоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт	7
Завод синтетических жидких топлив GTL на базе Шуртанского ГХК	6
Строительство узбекского участка газопровода «Туркменистан-Китай»	6
Освоение нефтегазоносных месторождений в узбекской части Аральского моря	6
Установка по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ	6
Освоение нефтяных месторождений в Ферганской долине	5
Строительство малых гидроэлектростанций (МГЭС)	5
Автомобилестроение (GM-Uzbekistan)	5

Эксперты поставили в целом высокие оценки существующим в настоящее время в Узбекистане инвестиционным проектам, однако следует учитывать, что практически все они уже находятся в стадии практической реализации. Эффективно участвовать в них стороннему инвестору крайне затруднительно. Одновременно эксперты затруднились добавить к предложенному списку иные конкретные проекты, ограничившись указанием на перспективность вложений в добычу урана и создания логистических комплексов.

Так, многие эксперты даже не стали оценивать привлекательность строительства узбекского участка газопровода «Туркменистан-Китай», поскольку он строится китайскими компаниями на китайские деньги как национальный стратегический проект, куда посторонних не допустят.

Завод по производству синтетических жидких топлив, вероятно, будет построен, и не один. Это диктуется самой структурой ТЭК. Как отметил один из наших экспертов: *«в областях уже сейчас много исключительно газовых заправок, причем почти все оборудование на них китайского производства».*

С точки зрения разработки новых месторождений нефти и газа, часть экспертов склоняется к мысли, что здесь также оговорены сферы влияния, участки получили российские (ЛУКОЙЛ и Газпром) и китайские компании.

Нефтяные месторождения в Ферганской долине особенно нужны и интересны Узбекистану, потому что туда крайне сложно доставлять топливо железнодорожным

транспортом, так как часть железнодорожного полотна проходит по территории Таджикистана и периодически поток грузов останавливается из-за нескончаемых противоречий между странами. Разумеется, в интересах властей Узбекистана было бы разумнее избавиться от зависимости в этом вопросе на таджикском направлении.

Освоение нефтегазоконденсатных месторождений на плато Устюрт, которые считаются самыми большими в Республике, по сути уже началось. Там работают ЛУКОЙЛ и Газпром. При этом эксперты больше верят в успех Бухарско-Хивинского региона, чуть в меньшей степени в ресурсы Ферганского региона и ниже всего ставят проект разработки шельфа Аральского моря, где в составе консорциума ведут геологоразведку ЛУКОЙЛ Overseas, «Узбекнефтегаз», CNPC и Korea National Oil Corporation

Малые ГЭС, с точки зрения ряда экспертов, имеют крайне сомнительные перспективы. Однако другие эксперты, хорошо знакомые с американской стратегией развития региона, поставили проекту высокие оценки, так как он является составной частью амбициозного проекта CASA 1000 и имеет широкую политическую поддержку, как со стороны Вашингтона, так и со стороны мировых финансовых институтов, например Всемирного Банка⁴⁴.

Один из экспертов заметил, что в свое время Сбербанк хотел купить завод в Узбекистане в рамках планировавшейся сделки с GM, возможно, какие-то российские структуры продолжают рассматривать подобные варианты, т.к. экспорт автопродукции осуществляется в основном в Россию. В то же время, по мнению другого эксперта, производство на GM также зайдет в тупик, как раньше в нем оказалась корейская корпорация Daewoo: *«Никому не советовал бы входить в эту историю. Узбекистан держит очень высокие таможенные пошлины, импорт машин идет только в премиум-сегментах, [на внутреннем рынке] нет никакой конкуренции и поддерживать нормальный уровень производства и качества проблематично»*. В результате отсутствуют стимулы улучшения продукции, а очереди на продукцию местного производства достигают полутора лет. В таких условиях рынок может быть привлекателен только для компаний, желающих производить морально устаревшую модель тиражом 50 тысяч автомобилей для продаж внутри страны. Показательно, что пока даже проводящие активную экспансию китайские автопроизводители не стремятся нарастить свое присутствие в Узбекистане путем открытия производств, делать машины в Китае дешевле и удобнее.

⁴⁴ <http://www.thenews.com.pk/Todays-News-3-114210-Work-on-trade-corridor-project-not-abandoned:-World-Bank>

БЛОК II. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В УЗБЕКИСТАНЕ И ВНУТРЕННИЕ РИСКИ ЕГО УСТОЙЧИВОСТИ

1. Система принятия ключевых решений

1.1. Значимость кланового фактора при принятии решений органами власти (по 10-балльной шкале, где 10 – максимальное влияние)

ИТОГОВАЯ ОЦЕНКА: 7,5

Вопрос выбора языка описания недемократических политических режимов является одним из наиболее сложных в современной политической науке. Само по себе декларативное признание недемократичности того или иного строя ничего не говорит нам о его внутренней сути и принципах функционирования. В самом общем виде мы понимаем что формальные, описываемые законом процедуры и институты на практике заменены негласными и скрытыми от глаз схемами. Но что это за схемы и почему именно они являются приводными ремнями режима, не всегда удается понять, не будучи включенным в соответствующую систему изнутри. Обычно такие механизмы раскрываются либо постфактум, в мемуарах и воспоминаниях руководителей или представителей элит, либо служат предметом догадок и реконструкций на основе утечек информации.

В мировой политологии существует обширная литература о том, что после распада СССР в Центральной Азии установились *султанистские режимы*⁴⁵ и *неопатримониальные политические системы*⁴⁶. С точки зрения этого подхода, узбекский политический режим считается классическим воплощением султанизма и неопатримониализма. Сущность *султанистских режимов* заключается в безграничной персонализированной власти, как правило, президента. Сущность *неопатримониализма* заключается в том, что все политические, экономические и информационные ресурсы концентрируются в руках правящей элиты, тогда как остальным группам и слоям общества доступ к этим ресурсам закрыт. При этом представители власти воспринимают различные общественные функции и институты как свою частную собственность. В результате происходит «сращивание» политики и экономики, где основными игроками являются одни и те же патронажно-клиентелистские сети или кланы. Кроме того, патримониальная система в собственных интересах закрепляет, в том числе в Узбекистане, различные архаические формы социальной организации⁴⁷. В частности, она

⁴⁵ Sultanistic regimes / ed.: H.E. Chehabi, J.J. Linz. – Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998. – 284 p. При этом корни центральноазиатского султанизма авторы прослеживают в советской системе управления.

⁴⁶ Weber M. Economy and society: an outline of interpretive sociology. – Berkeley: Univ. of California Press, 1978. – 2 vol.; Вебер М. Традиционное господство // Ойкумена: альманах сравн. исслед. полит. ин-тов, соц.-экон. систем и цивилизаций. – Харьков, 2004. – Вып 2. – С. 161–175; Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ: сравн. изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 324–359; Roth G. Personal rulership, patrimonialism, and empire-building in the New States // World Politics. – 1968. – Vol. 20, № 2. – P. 194–206; Theobald R. Patrimonialism // World Politics. – 1982. – Vol. 34, № 4. – P. 548–559; Medard J.-F. The underdeveloped state in tropical Africa: political clientelism or neo-patrimonialism // Private patronage and public power: political clientelism in the modern state / ed. Ch. Clapham. – New York, 1982. – P. 162–192; Murvar V. Patrimonialism, modern and traditionalist: a paradigm for interdisciplinary research on rulership and legitimacy // Theory of liberty, legitimacy, and power: new directions in the intellectual and scientific legacy of Max Weber / ed. V. Murvar. – London; Boston, 1985. – P. 40–85.

⁴⁷ Эйзенштадт Ш.Н. Революция и преобразование обществ: сравн. изучение цивилизаций. – М.: Аспект Пресс, 1999. С. 324–359.

«вписывает» в политическую и экономическую систему такие архаичные структуры, как регионально-субэтнические группы узбеков в качестве ее ключевых элементов⁴⁸.

Описанная выше система удачно «надстраивается» над сформировавшейся в Центральной Азии этнократией, так как еще в советское время доступ к ключевым руководящим постам имели только представители «титального» этноса, т.е. в случае Узбекистана только узбеки или лица, позиционирующие себя как узбеки⁴⁹ (скажем, русский мог быть только вторым секретарем партийной организации).

В рамках данного исследования мы руководствуемся широко распространенной в российской и западной научной литературе гипотезой о клановом (патронажно-клиентельном) характере политической власти в современном Узбекистане в рамках султанистского политического режима и неопатримониальной социально-политической системы. Для простоты мы будем ниже часто говорить просто о «клановой системе», поскольку все другие приведенные выше чисто научные термины в реальной политической и экономической жизни Узбекистана не используются.

Как отмечается в специализированной литературе, понятие «кланы» в узбекском контексте можно сформулировать двояко. В одном случае (узкое понимание) речь идет о тесно связанных землячеством и взаимопомощью элитных группах в структурах власти. В другом случае (широкое понимание) речь идет о «группах солидарности», т.е. о связи этих элитных групп с соответствующими регионами. Население соответствующего региона видит в этой элитной группе «своих людей» во власти⁵⁰. Поддержка одной из групп населения и представительство интересов этой группы населения во власти представляет собой один из важных аргументов для сохранения позиций соответствующей элитной группировки во власти. С другой стороны, население имеет возможность решать через соответствующую группировку свои проблемы. **Так возникает патронажно-клиентельная система как основа клановости.** При этом взаимосвязь клана в узком и в широком его понимании – основа его функционирования.

Клиентелистские системы хорошо изучены в западной социологии, политической антропологии и политологии⁵¹. Согласно этой литературе, патронажно-клиентельная

⁴⁸ Казанцев А.А. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М., МГИМО, Наследие Евразии, 2008. С. 51 – 70.

⁴⁹ Существуют споры относительно этнической принадлежности И. Каримова. Так, некоторые исследователи утверждают, что он этнический таджик. По крайней мере, тот факт, что семья Каримова предпочитает общение на русском языке, а не на узбекском и даже таджикском языке, широко известен.

⁵⁰ См. анализ взаимосвязи этих двух явлений в работе. Roy Olivier. The New Central Asia. The Creation of Nations. New York University Press, 2000.

⁵¹ См., например: Eisenstadt S.N. Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism. – L., 1973; Eisenstadt S.N., Roniger L. Patron-client relations as a model of structuring social exchange // Comparative Studies in Society and History. – 1980. – Num. 22; Idem. Patrons, clients and friends. Interpersonal relations and the structure of trust in society. – Cambridge, 1984; Эйзенштадт Ш. Н. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999; Landé C.H. Political Clientelism in Political Studies. Retrospect and Prospects // International Political Science Review. Graziano L. (ed.). – 1983. – Vol. 4. – Num. 4. Political Clientelism and Comparative Perspectives; Idem. Introduction: the dyadic basis of clientelism // Friends, Followers, and Factions: a Reader in Political Clientelism. Schmidt S. W. et al (eds.). – Berkeley: University of California Press. 1977. PP. xiii – xxxvii; Gellner E. Patrons and Clients // Patrons and Clients in Mediterranean Societies. Gellner E. and Waterbury J. (eds.) – L., 1977; Waterbury J. An Attempt to Put Patrons and Clients in Their Place // Op. cit.; Lemarchand R. Comparative political clientelism: structure, process and optic // Political Clientelism, Patronage and Development. Eisenstadt S.N., Lemarchand R. (eds.). – London. Sage Publications. 1981; Graziano L. Political Clientelism and comparative perspectives // International Political Science Review. Op. cit.; Idem. A conceptual framework for the study of clientelistic behavior // European Journal of Political Research. – 1976. – 4. – 2. PP.149-174; Legg K. Comment on Advanced Industrial Societies // Studies in Comparative Communism. – 1979. – Vol. XII. – Num. 2-3; Lemarchand R., Legg K. Political Clientelism and Development: A

система не только связывает клан в узком и широком понимании. Она также представляет собой структуру клана в смысле элитной группы в структуре власти. Последний всегда представляет собой иерархическую структуру или неформальную сеть власти, где все нижестоящие члены являются «клиентами», а «вышестоящие» - патронами. Такого рода структуры являются традиционными для восточных и вообще традиционных обществ и потому имеют место отнюдь не только в Узбекистане, но и во многих азиатских и африканских государствах.

Нельзя не обозначить, что часть опрошенных нами экспертов подчеркнуто жестко отвергают данный подход, однако другой модели анализа внутренней структуры сложившегося в Узбекистане авторитарного режима в соответствующей научной литературе просто нет. Во всех публикациях на эту тему каким-либо образом комбинируются соображения персонифицированного авторитарного режима личной власти (т.е. султанизма), наличие определенного рода внутриэлитных балансов, связанных с регионально-идентификационной структурой узбекского общества (клановость), ярко выраженной иерархичностью структуры узбекской элиты (патронажно-клиентельная система) и полным контролем государства над всеми сферами жизни общества, не позволяющим отделить власть от контроля над собственностью (основная черта неопатримониализма). Помимо этого, чисто научного аргумента существует и целый ряд эмпирически легко проверяемых фактов в пользу наличия клановой системы. Во-первых, региональные кланы постоянно используются при самоидентификации граждан Узбекистана. Многие жители страны, в первую очередь, называют себя выходцами из той или провинции или города, а лишь во вторую ассоциируют, если ассоциируют вообще, с национальным государством узбеков. Кроме того, достаточно очевидно, что, по крайней мере, многие назначения и политико-экономические решения, как минимум, включают в себя клановые соображения, если и не полностью определяются ими. Наконец, известны карьерные траектории большого количества ключевых узбекских государственных и хозяйственных деятелей. Неоспоримо, что клановые моменты играли в этих траекториях весьма существенную роль. В рамках нашего исследования несколько экспертов, связанных с компаниями, имеющими выход на внутренний рынок Узбекистана, признались, что используют своеобразные механизмы диверсификации собственной дистрибуции, заключая неформальные договоренности с контрагентами, представляющими формально интересы разных ветвей власти, а неформально – интересы различных кланов внутри власти.

Во времена позднего СССР (особенно, в период между правлением Андропова и Горбачева) предпринимались большие усилия, чтобы искоренить клановость и связанную с ней коррупцию в Узбекистане. Стоит вспомнить, например, про знаменитое «хлопковое дело», которое сопровождалось массовыми репрессиями в адрес представителей узбекской номенклатуры. Однако результатом оказалось лишь небольшое перемещение кланов по иерархической лестнице. Как пишет известный исследователь Г. Ситнянский, соперничество кланов внутри партноменклатуры СССР органически выросло из трех исторических политических образований Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств⁵². При этом хивинцы с самого начала оказались оттеснены от власти, а

Preliminary Analysis // Comparative Politics. – 1972. – Vol.4. – Num.2; Higgins M. D. The limit of clientelism: towards an assessment of Irish politics // Private Patronage and Public Power: Political Clientelism in the Modern State. Clapham C. (ed.). – London. Frances Frinter. 1980. PP. 114 – 141; The Compact: Selected Dimensions of Friendship. – Newfoundland Social and Economic Papers – Num. 3. Leyton E. (ed.). Memorial University of Newfoundland. 1994.

⁵² Ситнянский Г. Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь. - М., 2011.

политическая динамика свелась к борьбе территорий бывшего Бухарского эмирата и Кокандского ханства. В результате сталинских репрессий против бухарско-самаркандской интеллигенции ташкентскому и ферганскому кланам (т.е. территориям бывшего Кокандского ханства) удалось оттеснить от власти представителей бывшего Бухарского эмирата. Но затем политика Шарафа Рашидова и назначение И. Каримова на руководящий пост позволили кланам территорий бывшего Бухарского эмирата взять убедительный реванш и закрепить к настоящему времени свое лидерство.

Мы решили исключить из формирования общей оценки влияния кланов тех экспертов, кто не считает выделение кланов методически корректным. Поэтому общей оценкой в данном вопросе мы считаем 7,5 – средний балл среди тех экспертов, которые согласились с необходимостью взвешивания влияния кланов.

Почему же эксперты не поставили данной системе 9 или 10 баллов? Ответ кроется в том, что, во-первых, не все решения могут быть приняты, исходя из кланового баланса. Иногда необходимо принимать и нарушающие его решения, в особенности, когда задеты личные интересы И. Каримова, под угрозой находится авторитет и сила государства, а также в тех случаях, когда нужно в оперативном порядке минимизировать угрозы социально-политической стабильности. Во-вторых, часть экспертов отмечает, и с этим нельзя не согласиться, что за время своего правления И. Каримов несколько ослабил влияние кланов на собственную политику. Если в первые годы своего правления Каримов балансировал между кланами: на заре 1990-х пост премьер-министра занимал ташкентец Абдулхашим Муталов, председателя Верховного Совета – ферганец Шавкат Юлдашев, государственного секретаря – бухарец Рахим Раджабов и т.д., то в 2000-е годы президент уже окончательно встал над клановой политикой. В-третьих, в самой клановой структуре есть важный элемент секретности и неопределенности. Кланов непрозрачны для внешних наблюдателей, не включенных в дела их патронов. По сути, полностью роль клановых соображений в принятии тех или иных решений знает только сам президент И. Каримов и его ближайшее доверенное окружение. Кроме того, границы кланов достаточно подвижны, что и демонстрируют разногласия экспертов по поводу атрибуции разных кланов. Они легко входят в «суперклановые» коалиции или, напротив, распадаются на составляющие. Скажем, ташкентский клан может восприниматься как исторически существующий вместе с ферганским один «суперклан». Действительно, ряд источников говорит, что ферганцы до сих пор решают разные вопросы через ташкентцев. С другой стороны, ферганский клан может восприниматься как неоднородный, из него легко могут быть выделены андижанцы со своими интересами.

Следует отметить, что соблюдение определенного кланового баланса в первые годы правления, а затем постепенное обретение относительной автономии президента от этого кланового баланса является типичным для многих центральноазиатских правителей. В частности, казахстанский президент Нурсултан Назарбаев в 1990-е годы более тщательно старался соблюдать межжуровый баланс, чем в настоящее время. Таджикский президент Эмомали Рахмон вначале зависел от поддержки Ленинабадского клана, а затем от мирного соглашения с Объединенной таджикской оппозицией, представлявшей ряд враждебных ему кланов. В обоих случаях он потом оттеснил другие кланы от власти в пользу своего родного клана, Кулябского. То же самое было и в Афганистане, когда президент Хамид Карзай постепенно потеснил в пользу приближенных ему пуштунов позиции лидеров Северного альянса, т.е. таджиков и узбеков, которые вначале, после разгрома талибов американцами, представляли в стране единственную серьезную силу. Экс-президент Кыргызстана Курманбек Бакиев к концу своего правления полностью отказался от идеи межкланового баланса и попытался узурпировать все доступные

ресурсы в руках не просто южан, но конкретно своей семьи, что в условиях Кыргызстана, отличающегося свободолюбивыми традициями, достаточно быстро привело к его падению. Подобную же эволюцию, хоть и более длительную, прошел его предшественник Аскар Акаев, делавший ставку на узкую группу северных кланов и на свою семью.

Все приведенные выше примеры позволяют построить определенную модель, согласно которой каждый центральноазиатский президент, приходя к власти, вынужден считаться с клановым фактором как с важной частью политической реальности. Исключением может служить лишь президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухаммедов, который пришел к власти после полной «зачистки» политического ландшафта Сапармурадом Ниязовым, но аналогичная «зачистка» вряд ли возможна в Узбекистане или любой другой центральноазиатской стране, кроме Туркменистана⁵³.

Однако постепенно усиливая свой личный контроль над властью, президент начинает освобождаться от необходимости постоянного поддержания межкланового баланса. Дальше все зависит от личных качеств самого президента. Он может либо поставить себя «над» кланами (И. Каримов, Н. Назарбаев, покойный Туркменбаши). Либо может поставить во главу угла свой клан, потеснив позиции других (Э. Рахмон, Г. Бердымухаммедов, К. Бакиев, Х. Карзай). В условиях Узбекистана роль межкланового баланса в случае ухода И. Каримова от власти может существенно возрасти. Любому из его преемников, поскольку первое время его контроль над страной будет неизбежно меньше, чем контроль И. Каримова сейчас, придется считаться с клановой структурой общества и элиты.

1.2. Клань в Узбекистане и их влияние (по 10-балльной шкале, где 1 – минимальное влияние, 10 – максимальное)

Само по себе выделение отдельных кланов уже представляет собой проблему, т.к., к примеру, часть исследователей не разделяют ферганский и ташкентский кланы. Оба они происходят с территории бывшего Кокандского ханства. В дальнейшем попеременное правление обоих кланов во времена СССР говорит об их близости в рамках некоего «суперклана» (первые секретари: Акмаль Икрамов, ташкентец, декабрь 1929 — сентябрь 1937; Усман Юсупов, ферганец, сентябрь 1937 — апрель 1950; Амин Ниязов, ташкентец, август 1950 — декабрь 1955; Нуриддин Мухитдинов, ташкентец, декабрь 1955 — декабрь 1957; Сабир Камалов, ташкентец, декабрь 1957 — март 1959; после перерыва, связанного с правлением джизакца Шарафа Рашидова, Инамжон Усманходжаев, ферганец, ноябрь 1983 — январь 1988). Однако все это не позволяет объединить их полностью, ведь даже чередование у власти говорит и об определенной конкуренции. Кроме того, у представителей ташкентцев как жителей столицы со временем развились специфические особенности, отличающие их от ферганцев: лучшее образование, меньшая религиозность, больший экономический прагматизм, более широкая вовлеченность в бизнес.

⁵³ Перейти к массовым репрессиям элит и силовых структур в Узбекистане по образцу Туркменистана чрезвычайно сложно, а результат был бы непредсказуем. Страна значительно больше, клановая структура сложнее, угрозы безопасности разнообразнее. С. Ниязов готовил систему, в которой такие репрессии возможны, по крайней мере 5 лет. Кроме того, в Туркмении ему на руку играли специфические факторы. Во-первых, простая клановая структура с историческим доминированием текинцев, во-вторых, отсутствие серьезных угроз безопасности со стороны экстремистов и радикального ислама, в-третьих, легко контролируемый и единственный источник денежных поступлений - газ, находящийся лично под контролем президента, в-четвертых, взлелеянный годами культ личности.

Другие эксперты считают, что джизакский клан как отдельная единица не существует и полностью примыкает к более крупному ташкентскому. Действительно, ташкентский и джизакский кланы часто вступали в альянсы. Да и говорить о самостоятельной роли джизакцев после смерти Шарафа Рашидова не приходится. Однако следует учитывать исторические особенности. Джизак – это исторически Бухарский эмират, а Ташкент – часть Кокандского ханства, а затем – столица генерал-губернаторства. Джизакцы часто вступают в альянсы не только с ташкентцами, но и с самаркандцами.

Ряд экспертов полагает также, что из ферганского клана следует выделить андижанскую ветвь как самостоятельную и достаточно влиятельную, что, во многом, и привело к трагическим событиям в Андижане. Кроме того, сурхандарьинцев и кашкадарьинцев можно рассматривать как один клан («суркашцев»), а можно – как два разных. Тем не менее, мы приведем классическое разделение клановой структуры Узбекистана и представим экспертные оценки их влияния на период начала 2010-ых годов.

КЛАН	ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ
Самаркандско-бухарский	8
Ташкентский	7,5
Ферганский	6
Джизакский	5
Сурхандарьинско-Кашкадарьинский	4,5
Хорезмский	4
Каракалпакский	2,5

Первые три клана (самаркандский, ташкентский и ферганский) обладают наибольшим влиянием. Поскольку сила элит прямо пропорциональна влиянию региона, то, естественно, Фергана с 28% населения и 21% ВВП, Самарканд-Бухара с 19,8% населения и 22% ВВП и Ташкент с 17,2% населения и 31% ВВП доминируют. Регион Сурхандарьи-Кашкадарьи – это 16,7% населения и 15% ВВП, поэтому данный регион традиционно не обладает таким же большим влиянием, как три основных. Джизак – всего 6,1% населения и 3% ВВП, но Джизак – это родина влиятельного Шарафа Рашидова⁵⁴, кроме того, у джизакцев – традиционный альянс с ташкентцами и бухаро-самаркандцами. Хорезм – это 5,6% населения и 3% ВВП, Каракалпакия – 5,8% населения и 3% ВВП. Эти два последних региона представляют совершенно другую историческую общность по сравнению с Бухарским эмиратом, Кокандским ханством и Ташкентским генерал-губернаторством – Хивинское ханство, поэтому имеют в стране маргинальное влияние как бедные регионы, никогда не участвовавшие в узбекской клановой политике в главных ролях. Как поясняет один из экспертов, иерархия кланов соблюдается строго и не оспаривается. Например, человек из андижанского клана понимает, что пост первого вице-премьера — это его карьерный потолок. Иначе будут нарушены привилегии самаркандцев и ташкентцев. Есть еще один взгляд на клановую систему, согласно которому между кланами наличествует и функциональное разделение. Фергана – это ислам (многие религиозные авторитеты – ферганцы по происхождению, а сам регион

⁵⁴ Рашидов очень много сделал для вытеснения ферганцев из власти, плоды его деятельности сохраняются и сейчас, так как его клан помог прийти к власти И. Каримову, тем не менее, Рашидов был замещен на короткий период ферганцем Усманходжаевым.

весьма консервативен), Самарканд – монополия на власть (родина нынешнего президента), Ташкент – торговля и финансы (столица, где сконцентрированы основные финансовые потоки). По этому поводу есть даже традиционная поговорка: *«Самаркандец правит, ферганец молится, ташкентец считает деньги»*.

Что касается оценки влияния региона Самарканда и Бухары, то именно отсюда происходило первое руководство советского Узбекистана, состоявшее из джаидов, то есть сторонников модернизационно-исламского движения, которые вступили в альянс с большевиками. Дополнительно в пользу лучшего положения Самарканда и Бухары говорит происхождение президента и традиционно высокий уровень культуры, связанной с историей. Хотя здесь есть еще одно противоречие: Бухара, отодвинутая в настоящее время на второй план в силу происхождения И. Каримова, традиционно считает себя городом, стоящим выше Самарканда, ведь Бухара – третий светоч ислама. Как отмечает один из экспертов: *«Президент не является главой самаркандского клана, формально кланом руководит один из его советников. Нужно четко осознавать, в чем талант Каримова и Назарбаева. Относясь к одному из кланов, они умудрились встать над кланами»*. Например, не так давно специально под выходцев из Хорезма был создан пост председателя Сената, это восстанавливает межклановый баланс. В последнее время И. Каримов стал приближать к верховной власти выходцев из Кашкадарьи, так как он имел опыт работы в этом регионе и сохранил социальные связи с выходцами оттуда.

В пользу Ташкента говорит столичный статус, высокий уровень образования и достигнутый в российско-советский период модернизационный потенциал (городское население, наука). Ташкент был резиденцией генерал-губернатора и подвергся глубокой модернизации еще во второй половине 19 в., в отличие от территории Бухарского эмирата. Само соотношение ВВП на душу населения в Ташкентском регионе почти вдвое выше, чем в стране, в целом. Из Ташкента происходили Акмаль Икрамов (1-й секретарь ЦК КПУ в 1929-37 гг.) и Султан Сегизбаев (председатель Совнаркома в 1937-38 гг.), в 50-е гг. - Абдуджаббар Абдурахманов (председатель Совнаркома в 1938-50 гг.), Абдураззак Мавлянов (председатель Совмина в 1950-51 гг.), Нуритдин Мухитдинов (1-й секретарь ЦК КПУ в 1955-57 гг.), Сабир Камалов (1-й секретарь ЦК КПУ в 1957-59 гг.), Мансур Мирза-Ахмедов (председатель Совмина в 1957-59 гг.), Ариф Алимов (председатель Совмина в 1959-61 гг.), в конце 80-х гг. - Рафик Нишанов (1-й секретарь ЦК КПУ в 1988-89 гг.).

Козырь региона Ферганы – возможность местных элит создать центру проблемы с безопасностью и стабильностью. Клан вполне может использовать сочетающиеся проблемы аграрного перенаселения, нищеты и традиционно доминирующих в этом регионе радикально-исламистских настроений. Фергана – это исторически не Бухарский эмират, а его главный противник - Кокандское ханство (оно было ликвидировано царским правительством после особенно сильного антирусского восстания и всегда отличалось радикальным исламизмом по сравнению с Бухарой, Самаркандом и Ташкентом). Представители «ферганского клана» во власти в советское время - Юлдаш Ахунбабаев (председатель ЦИК и Верховного Совета в 1925-43 гг.), Усман Юсупов (1-й секретарь ЦК КПУ в 1937-50 гг.), Амин Ниязов (1-й секретарь ЦК КПУ в 1950-55 гг.), Ядгар Насриддинова (председатель Президиума Верховного Совета в 1959-70 гг.), Инамджон Усманходжаев (1-й секретарь ЦК КПУ в 1983-88 гг.) и т.д. К проблемным точкам ферганского клана следует отнести его недостаточную сплоченность. По мнению ряда экспертов, в клане идет серьезная внутренняя борьба между отдельными группами. Также проблемы в Фергане усугубляются тем, что ферганская долина неформально считается зоной влияния семьи президента.

2. Операция «преемник» по-узбекски

Основными игроками при выборе преемника помимо самого президента являются его семья, силовики (среди которых в качестве ключевых игроков можно выделить главу СНБ) и региональные кланы. Спецслужбы в Узбекистане одни из самых сильных на постсоветском пространстве. Армия, поддерживаемая в состоянии высокой боеспособности, имеющая опыт реальных боестолкновений с вооруженными группами исламистов, пользуется авторитетом в обществе - практически нет случаев уклонения от призыва. Однако генералитет подвержен ротации и загружен в силу сложной военно-политической обстановки. Поэтому кандидатов на роль узбекского Пиночета нет. В качестве периферийного фактора влияния эксперты обозначают организованный криминал, который имеет серьезное влияние на теневую экономику и может при необходимости «поднять базар» против власти. Не исключено, что именно осознание этого риска семьей президента привело к тому, что бывший влиятельный авторитет, а ныне известный предприниматель Гафур Рахимов был вынужден покинуть страну, а в марте 2013 года МВД Узбекистана возбудило против него уголовное дело по обвинениям в вымогательстве и легализации доходов, добытых преступным путем. Также незначительное влияние на выбор кандидатуры преемника могут оказывать богатейшие российские бизнесмены узбекского происхождения – Алишер Усманов и Искандер Махмудов. Что же касается внешнего влияния, то наибольшую роль в данный момент могут сыграть США, однако многие эксперты сомневаются в том, что это окно возможностей сохранится у американской администрации надолго, поскольку уверены в неизбежном охлаждении отношений Ташкента и Вашингтона.

Ниже мы приведем экспертные оценки шансов тех или иных фигур занять пост президента, но сначала оговоримся, что многие реальные претенденты всерьез опасаются за свою безопасность и не хотят «светиться» как возможные преемники. Во-первых, есть прямая угроза, что их «вычистит» сам И. Каримов, во-вторых, велик шанс объединения против общего врага всех остальных конкурирующих кланы. Поэтому нельзя исключать, что имя истинного преемника, даже если он существует, никому ничего не говорит.

Итак, экспертный опрос показал, что наибольшие шансы занять пост №1 в Узбекистане имеют действующий премьер-министр Шавкат Мирзиязев и первый вице-премьер Рустам Азимов с небольшим преимуществом последнего.

Небольшая часть экспертов рассматривает и вариант передачи власти по наследству - старшей дочери Президента Гульнаре Каримовой, но все-таки этот вариант маловероятный и сложнореализуемый. Однако, как утверждают некоторые из наших собеседников, видные силовики, руководители СНБ, готовы поддержать ее кандидатуру.

Проблема с кандидатурой дочери И. Каримова заключается в том, что в узбекском обществе, в котором большую роль играют консервативные и религиозные ценности, назначение женщины на первую позицию в государстве само по себе является вызовом. Если вспомнить пример Пакистана, то там экс-премьер Беназир Бхутто (дочь Зульфикара Бхутто), хотя и пришла к власти не в результате передачи власти (ее отец был казнен военными), а в результате массовой народной поддержки, все-таки была затем изгнана военными, а по возвращении убита религиозными экстремистами. Кроме того, по некоторым данным, у Гульнары Каримовой довольно много врагов, что связано с ее активной бизнес-деятельностью, включающей в себя непосредственный отъем собственности. Например, в документах, раскритикованных Wikileaks, приводится следующая характеристика американского источника: *«большинство узбеков считают Гульнару жадной, стремящейся к власти, беспощадной, использующей своего отца, для*

того, чтобы отбирать бизнес у конкурентов и давить каждого, кто встанет у нее на пути». Она, согласно Wikileaks, «самый ненавистный человек в стране». Американские дипломаты также утверждают, что она «откусывает кусочек» от каждого прибыльного бизнеса в стране и заслужила репутацию барона-грабителя (robber-baron)». У Г. Каримовой также не очень хорошее реноме на Западе, несмотря на частое исполнение ей дипломатических функций лица страны в Европе и при международных организациях: Г. Каримова несколько лет представляла Ташкент в швейцарских международных организациях, а также являлась послом Узбекистана в Испании с 2010 по 2012 гг.⁵⁵. Другая дочь президента, Лола, также обладает определенным политическим влиянием. По утверждениям оппозиционных СМИ, ее муж Тимур Тилляев через своего отца Хокима Тилляева тесно связан с криминальными кругами⁵⁶.

Тем не менее, Гульнара Каримова может сыграть важную роль в процессе выбора между кандидатами. Например, ходили слухи, что Р. Азимов пообещал Г. Каримовой пост главы правительства в случае его назначения президентом. Некоторые источники также говорят, что И. Каримов склоняется к кандидатуре Р. Азимова, так как у того самые хорошие отношения с Гульнаррой. Однако последнее утверждение опровергают откровения Г. Каримовой в своем микроблоге Twitter - в марте 2013 года старшая дочь президента намекнула на свое противостояние с Р. Азимовым, обвинив его в коррупции и непрозрачности при организации производства солнечных батарей в свободной экономической зоне «Навои». Эти беспрецедентные в условиях закрытой политической системы публичные выпады против Р. Азимова свидетельствуют об обострившейся борьбе за власть⁵⁷. При этом нужно понимать, что достоверной информации о реальных мотивах будущего решения И. Каримова о времени ухода от власти и о преемнике никто не имеет.

В качестве варианта сценария «слабого президента» несколько экспертов отметили назначение на этот пост председателя Сената Илгизара Собирова (хорезмийца), на которого в большей степени ориентируются казахстанские элиты. Несколько раз также был отмечен нынешний министр внешних экономических связей, инвестиций и торговли Эльер Ганиев. Как поясняет один их экспертов, «он представляет слабый клан «суркашцев» и поэтому с его кандидатурой могут согласиться три наиболее крупных клана как с нейтральной. Ферганцы могут поддержать его в пику бухаро-самаркандцам и ташкентцам. Кроме того, он – один из молодых политиков, пользующихся большим личным фавором у И. Каримова». С другой стороны, Э. Ганиев, как и многие другие люди на высоких постах, имеют связи сразу с несколькими кланами, в частности с ташкентским.

Два же главных фаворита марафонского забега, напротив, фигуры, представляющие два основных клана. Но это их сила и слабость. И у Мирзияева, и у Азимова есть проблема, связанная с очень сильной клановой аффилиацией (в первом случае с джизакцами и бухаро-самаркандцами, во втором случае – с ташкентцами). В случае передачи власти это означает, что каждому кандидату придется встретить

⁵⁵ Впрочем, роль дипломата может остаться в прошлом. В середине июля 2013 года, в прессе появились публикации [см.: <http://www.vedomosti.ru/accidents/news/14163211/doch-prezidenta-uzbekistana-lishili-diplomaticheskogo#ixzz2Z6NIHLJS>], согласно которым Г. Каримова была лишена дипломатического статуса из-за уголовного расследования швейцарской прокуратуры в отношении группы узбекских граждан и нескольких обысков на элитных объектах недвижимости во Франции, к которым она якобы имеет отношение.

⁵⁶ <http://lenta.ru/articles/2012/03/27/uzbekistan/>

⁵⁷ <http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/uzbekistan/entry1008158374.html>

<http://www.profi-forex.org/novosti-mira/novosti-sng/uzbekistan/entry1008157540.html>

серьезное сопротивление других кланов, особенно ферганцев. А в случае объединения ферганцев с кем-то из оставшихся кланов большой тройки операция «преемник» легко может выйти из-под контроля.

Шавкат Мирзияев происходит из джизакцев, так же, как и первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов, но старается формально держаться над клановой политикой по примеру И. Каримова, поэтому может договориться и с другими кланами. Кроме того, джизакцы всегда были в альянсе с бухарско-самаркандским кланом, а Ш. Мирзияев был хокимом (губернатором) как Джизакской, так и Самаркандской областей, что еще больше связало его с бухарско-самаркандской группой. Джизакцы же обычно легко находят общий язык с ташкентцами. Среди оппозиционеров ходят слухи, что он таджикоязычен, что обеспечивает ему близость с И. Каримовым. Он считается очень умеренным, покорным И. Каримову политиком. Это плюс для назначения преемником, так как он продолжит политику нынешнего президента и, скорее всего, соблюдет договоренности с его семьей. Но это большой минус, если операция не пройдет гладко и борьба за власть между кланами выльется в открытое противостояние. А недавний трагический случай в Ташкенте может серьезно ослабить его позиции и повлиять на расклад сил в узбекском истеблишменте - в начале мая 2013 года в автокатастрофе погиб Бабур Усманов, муж племянницы Ш. Мирзияева и одновременно племянник, а также единственный наследник российского миллиардера Алишера Усманова. Инцидент породил предположения о том, что гибель молодого человека могла быть выгодна противникам Ш. Мирзияева. По слухам, И. Каримов и его окружение проявляли недовольство по поводу родства узбекского премьер-министра с влиятельным российским предпринимателем⁵⁸.

Среди сторонников Ш. Мирзияева - советник президента Умар Исмаилов, председатель Верховного суда Буритош Мустафаев, бывший глава президентской администрации Зелимхан Хайдаров, а также все бухаро-самаркандцы, особенно, таджикоязычные, такие как министр внутренних дел Баходыр Матлюбов. Главный минус Ш. Мирзияева – не соответствующее его высокому карьерному положению образование, он закончил Ташкентский институт ирригации и механизации сельского хозяйства, что не было престижно даже в советское время. Кроме того, он слышет человеком, который не очень хорошо разбирается в современной экономике и мировой политике.

Рустам Азимов, сын известного ученого, Садыка Азимова, тесно связан с элитными группами ташкентского клана. Однако, формально не представляя президентский клан, он имеет длительную историю положительного взаимодействия с самаркандцами. Его главное достоинство – хорошее советское и западное образование (исторический факультет Ташкентского университета, что в советское время было престижно, и магистратура в Оксфорде). Проработав долгое время на постах председателя Национального банка внешнеэкономической деятельности и министра финансов, он очень хорошо разбирается в современной экономике и финансовой сфере. Считается наиболее прозападным, что может сыграть положительную роль в его выборе, учитывая новый резкий прозападный крен Каримова. Пользуется полной поддержкой ташкентского клана, включая двух ключевых «силовики» – министра обороны Кабула Бердыева и главы Службы национальной безопасности Рустама Иноятова, хотя по поводу позиции последнего эксперты мнения разнятся.

Можно констатировать, что в настоящее время никакой операции «преемник» в Узбекистане не проводится. При этом отсутствие прямого наследника

⁵⁸ http://forbes.kz/news/2013/05/11/newsid_27604

мужского пола и заметное ухудшение здоровья главы государства делают проблематичным «вечное продление» президентства И. Каримова. В пользу скорого решения говорит и тот факт, что, как считает один из экспертов, *«После визитов Р.Блейка, Каримову предлагается оружие, покровительство, инвестиции и звание лидера региона в обмен на его формальный уход с поста и передачу формальной власти любому преемнику, которого одобряют США»⁵⁹*.

В настоящее время политическая элита, широкая общественность и эксперты теряются в догадках и слухах о возможных предпочтениях президента в плане выбора преемника. И. Каримов понимает, что ему надо сделать правильный выбор, права на ошибку у него нет, на кону стоят все плоды его долгого президентства, в т.ч., благосостояние и, возможно, даже жизни его близких. Пока президент просто тянет время, сохраняя в своих руках безраздельную полноту власти. Но напряжение нарастает, т.к. по некоторым сведениям 75-летний президент испытывает проблемы со здоровьем и передавать власть в ближайшие полтора-два года ему, все-таки, придется.

Часть экспертов порекомендовала обратить особое внимание на участвовавшие случаи принудительного перехода собственности местных предпринимателей и иностранных инвесторов под контроль государства и приближенных к властям группам в ущерб международной репутации Узбекистана. Этот процесс косвенно может свидетельствовать о стремлении элит перераспределить и сконцентрировать финансовые ресурсы на случай возможного ухода с политической сцены И. Каримова.

Правда, надо учесть, что оппозиционные источники говорят о сахарном диабете, проблемах с сердцем и других болезнях И. Каримова последние десять лет. Последним примером спекуляций на тему здоровья президента было заявление лидера оппозиционной партии «Эрк» Мухаммада Салиха, который утверждал, что после праздника весеннего равноденствия Навруз в Узбекистане И. Каримов якобы перенес инфаркт или гипертонический криз. Прямого подтверждения этому нет, однако узбекский президент после помпезных празднований почти десять дней не появлялся на важных государственных мероприятиях, на которых он обычно присутствует. Впрочем, подобные сообщения следует воспринимать осторожно – И.Каримова «хоронят» не в первый раз и нельзя исключать, что слухи распространяются специально для проверки элит на лояльность. К тому же, в истории были примеры и 80- и даже 90-летних авторитарных лидеров, которым болезни ничуть не мешали сохранять власть. Например, достаточно авторитарный (особенно в первые периоды правления) президент Доминиканской республики Хоакин Баллагер в последний раз, используя различные грязные приемы, переизбрался президентом в возрасте около 90 лет, будучи абсолютно слепым.

⁵⁹ Кандидатом, получившим одобрение от США, многие эксперты считают спикера сената И. Сабирова.

3. Внутренние риски устойчивости режима

Риски	Оценка
Кризис передачи верховной власти	8
Персоналистский характер режима	7,5
Аграрное перенаселение, безработица, миграция в города	7
Межклановые конфликты	6,5
Нарушение водоснабжения, экологическая деградация	6,5
Слабость и коррумпированность государственных институтов	6,5
Укрепление позиций исламистов	6
Низкий уровень жизни, маргинализация сельского населения	6
Региональные конфликты, сепаратизм	5,5
Терроризм	5,5
Слабость силовых структур	4,5

Проведенный экспертный опрос показывает, что угрозы для устойчивости режима очень высоки и, что даже более опасно, не связаны между собой по своей природе, исходят из различных источников. Каждая из разнородных угроз требует разных форм «риск-менеджмента» и соответствующих вложений (в социальную сферу, экономическую, экологическую, политическую, сферу безопасности и т.п.). Очевидно, что Узбекистану, не являющемуся самой благополучной в экономическом отношении страной даже в Центральной Азии (например, по сравнению с соседними богатыми углеводородами Казахстаном и Туркменистаном), достаточно сложно и зачастую невозможно найти средства для одновременного решения этих разнородных проблем. Однако, при всем их различии проблемы имеют тенденцию «сливаться», усиливая действие друг друга. Такого рода взаимовлияние проблем, порождающее угрозы национальной безопасности, будет проанализировано ниже в виде двух возможных сценариев дестабилизации в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Так, согласно рейтингу стран по индексу устойчивости общественного развития (Sustainable Society Foundation. The 2012 Sustainable Society Index) Узбекистан находится в самом конце списка, занимая 146 место из 151 возможного⁶⁰.

3.1. Дестабилизация, вызванная самим характером политического режима

Данный сценарий основан на комбинации рисков «Кризис передачи верховной власти», «Персоналистский характер режима» и «Межклановые конфликты», поставленных экспертами на 1, 2 и 4 места, с целым рядом других рисков, которые будут усилены обозначенной группой. Триггером развития данного сценария служат недостатки выстроенной в Узбекистане политической системы.

К наиболее значимым проблемам режима эксперты отнесли именно запрограммированный характером политической системы кризис передачи власти.

⁶⁰ <http://www.ssfindex.com/>

Напомним, что И. Каримов - бессменный лидер независимого Узбекистана. Соответственно, персоналистский характер режима является дополнительным фактором, ухудшающим стабильность в момент передачи власти, фактором, провоцирующим разрушительные клановые конфликты. **Повторимся, сегодня можно констатировать, что операции «преемник» в Узбекистане не существует.** И даже если она начнется и «преемник» будет назначен с согласия всех кланов, с большой долей вероятности первое время своего правления президент будет слаб, а клановая война может развернуться с новой силой. Нельзя исключать, что усиление межклановых конфликтов может спровоцировать межрегиональные конфликты и сепаратизм, особенно в Ферганской долине, так как там наиболее взрывоопасная социально-политическая ситуация, а ферганский клан оттеснен от рычагов власти в стране бухарско-самаркандским и ташкентским кланами. Кровавые события в Андижане показали, что роль кланового фактора и экономики «базара» выше, чем фактор борьбы за права за человека и демократию. Многие считают, что именно оттеснение представителей андижанского клана (которые, по разным версиям, имеют разногласия с ферганским кланом) от экономических потоков привело к столкновениям. Помимо экономики, очевидно, что ислам традиционно связан со стихией уличной торговли. Таким образом, события в Андижане могут быть переинтерпретированы через «новую призму»: борьбы кланов за экономические ресурсы с помощью мобилизации «улицы» и традиционных исламских групп. Примером подобного развития событий могут служить события гражданской войны в Таджикистане и исламской революции в Иране 1979 года, когда демократическая оболочка изменений была быстро сметена исламистами при яркой поддержке не только приверженного традиционному укладу сельского населения, но и мелкой и средней буржуазии. Одной Ферганской долиной как очагом беспокойства дело не ограничивается. Не все спокойно и в западных провинциях республики, возрастают риски и чисто регионального сепаратизма.

С точки зрения наших экспертов, вероятность реализации описанного выше сценария – порядка 40%. Более вероятно, все таки, преодоление кризиса передачи власти на каком-то из этапов, что не даст вышеописанному сценарию развернуться в полную силу. Ведь такое развитие событий было бы равносильно добровольному самоубийству всей узбекской элиты, на что она вряд ли пойдет. Это демонстрирует, например, тихий и бескровный переход власти после смерти Туркменбаши в соседнем Туркменистане (хотя надо учесть, что эта передача прошла безболезненно, во многом, благодаря масштабным репрессиям, зачистившим при С. Ниязове политический ландшафт, что заведомо невозможно в таких же масштабах в Узбекистане).

3.2. Экономическая дестабилизация

Официальная статистика Узбекистана утверждает, что в стране происходит устойчивый рост благосостояния населения – по официальным данным, в 2012 году реальные доходы населения увеличились на 17,5%, а минимальная зарплата выросла 26,5%. По сравнению с 2000 годом, доходы жителей Узбекистана увеличились в 8,6 раза⁶¹. При этом статистика по размеру средней зарплаты публикуется в Узбекистане крайне редко. Последние цифры на официальном уровне озвучивались в сентябре 2010 года, согласно которым размер средней зарплаты соответствовал \$340 по официальному курсу или \$246 — по курсу «черного рынка»⁶², а стоимость потребительской корзины

⁶¹ <http://uza.uz/ru/politics/22013/>

⁶² <http://www.fergananews.com/news.php?id=15898>

относится к закрытой информации. Независимые расчеты, учитывающие цены на основные товары и услуги, показывают, что средние доходы в стране лишь вдвое перекрывают стоимость минимальной потребительской корзины в Ташкенте на одного человека, составлявшей в конце 2011 года более \$90⁶³. Для более-менее благополучной столицы это соотношение невелико, не говоря уже о сельских жителях с традиционно многодетными семьями, чьи доходы в несколько раз ниже по сравнению с доходами горожан. Зарплаты крестьянам выдают во время уборки урожая, зачастую в натуральной форме, в то время как труд на хлопковых плантациях организован по принципам, которые иначе как рабовладельческими назвать сложно. Между тем ряд проблем не могут не признавать и официальные власти. В стране темпы роста рождаемости одни из самых высоких в мире, население прирастает на 2% в год (то есть, минимум на 500 тысяч человек в год) и его численность приближается сегодня к 30 миллионам человек.

3.2.1. Доверие к официальной статистике

Для оценки экономического положения Узбекистана авторы данного исследования провели опрос среди экспертов. В целом, эксперты оценили достоверность государственной статистики Узбекистана ниже среднего уровня. Особые сомнения вызывают озвучиваемые правительством страны цифры по инфляции и по уровню безработицы. *«Значительная часть экономики Узбекистана по-прежнему находится в тени»*, - поясняет один из экспертов, другой указывает на то, что т.н. «базарная экономика» в целом плохо учитывается и контролируется. Безработица — главный бич экономики Узбекистана. Остро стоит проблема скрытой безработицы среди молодежи, особенно в сельской местности. По официальным данным, численность безработных в Узбекистане по итогам третьего квартала 2012 года составила 621,7 тыс. человек или 4,8% от экономически активного населения. У экспертов нет никакого доверия к этим цифрам, т.к. они не могут объяснить огромный приток трудовых мигрантов как в столицу Узбекистана, так и за рубеж – в основном в Россию и Казахстан. МВФ подсчитал, что до 15% ВВП республики составляют денежные переводы «гастарбайтеров», хотя согласно официальной узбекской статистике - лишь 2%. Согласно статистике ЦБ РФ, в 2011 году Узбекистан стал *«лидирующей страной назначения по объему переводов из Российской Федерации»*, поток средств в страну вырос в полтора раза до \$4,3 млрд. Почти все операции были осуществлены через системы денежных переводов. Основной объем переводов осуществили физические лица-нерезиденты, их доля выросла с 51% в 2010 году до 83% в 2011 году⁶⁴. В 2012 году объем денежных переводов физических лиц из России в Узбекистан вырос уже до \$5,69 млрд⁶⁵. При таких выкладках уровень доверия к официальным статданным в экспертной среде также не высок.

⁶³ http://www.uznews.net/news_single.php?lng=ru&cid=2&nid=18815

⁶⁴ Согласно оценкам ЦБ РФ в 2010 г. В Узбекистан ушло \$2,845 млрд. или 7,6% ВВП, а в 2011 г. - \$4,262 млрд. или 10,3% ВВП. Подробнее см.:

http://www.cbr.ru/statistics/CrossBorder/CrossBorder_2011.pdf?pid=svs&sid=TGO_obz и

http://www.cbr.ru/today/payment_system/analytics/survey_monitoring.pdf

⁶⁵ http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=CrossBorder/C-b_trans_countries_12.htm&pid=svs&sid=TGO_sp

Статистические государственные данные	Оценка достоверности по 10-балльной шкале
Рост ВВП	5
Уровень промышленного производства	5
Уровень инфляции	4
Уровень безработицы	3

Ярким примером противоречивости официальных статданных послужило исчезновение в феврале нынешнего года с официального сайта Государственного Комитета по статистике страницы об итогах социально-экономического развития страны за 2012 год. Журналисты посчитали, что причиной удаления отчета статведомства стало расхождение с цифрами по экспорту, озвученными позже главой государства⁶⁶. При этом нельзя не отметить, что часть экспертов считает официальную статистику Узбекистана все же более достоверной в сравнении с данными, которые предоставляют Туркменистан, Кыргызстан и Таджикистан. Однако, один из опрошенных экспертов так объяснил свое недоверие даже к наиболее ключевым показателям промышленного производства в Узбекистане: *«Промышленное производство на 2/3 развивается за счет иностранных инвестиций. Государственная инвестиционная программа подписывается президентом сроком на год. Параллельно существует программа локализации по регионам. И получается, что в статистическом комитете этих данных в агрегированном виде нет, в лучшем случае будет просто цифра относительного увеличения. Реальных объемов нет ни общих, ни по отдельности. Года через три после того как программа завершилась, цифры появятся на сайте Министерства внешних связей и экономики, а вся статистика по локализации останется в других источниках, все вместе сложить никак не получится. Тонкость еще и в том, что некоторые инвестиционные проекты, которые входят в локализацию, входят также и в президентскую программу. Что именно надо вычестть, чтобы получить искомые цифры, понять совершенно невозможно».*

Даже если брать за основу цифры государственной статистики, видно, что среднесрочная макроэкономическая стабильность страны под вопросом. Рост экономики поддерживается высокими ценами на сырье, денежными переводами трудовых мигрантов и гарантированными правительством кредитами зарубежных банков для реализации крупных инвестиционных проектов. В случае затяжной глобальной рецессии и падения цен на золото, цветные металлы, газ и хлопок – основные статьи доходов узбекской экономики, стабильность испарится. А это повлечет за собой рост социального недовольства, сдерживаемого сегодня, в основном, благодаря «экспорту» излишних трудовых ресурсов в Россию и Казахстан. Официальная статистика рисует картину благополучия, но, несмотря на провозглашенную политику развития высокотехнологичных производств, Узбекистан достиг лишь точечных успехов, например, в автомобилестроении. При этом реализовать потенциал в сфере переработки хлопка и сельскохозяйственной продукции полностью не удалось.

⁶⁶ <http://www.fergananews.com/article.php?id=7645>

3.3. Дестабилизация, вызванная сочетанием факторов

Этот сценарий основан на комбинации социальных, экономических, экологических и т.п. факторов и рисков, подпадающих под категорию «Укрепление позиций исламистов». Триггером здесь служат социальные факторы, которые могут привести в действие описанный ниже сценарий, – порядка 33%.

Следует отметить высокий протестный потенциал, вызванный политическими репрессиями и наступлением на гражданские свободы. Вопрос об исполнении Узбекистаном международных конвенций по правам человека сохраняет свою остроту. Так, 50% опрошенных экспертов категорично ответили «нет» на вопрос о выполнении страной международных обязательств, еще 35% признали динамику негативной и лишь 15% экспертов видят в вопросе соблюдения прав человека в Узбекистане позитивные сдвиги.

Этот результат касается как гражданских, так и политических свобод. Например, в последнем рейтинге Freedom House из 48 стран, признанных несвободными (маркировка Not Free), Узбекистан попал в число девяти, получивших наихудший рейтинг 7 как в области политических прав, так и в области гражданских свобод⁶⁷. В последнем Индексе демократии журнала «Экономист» (за 2012 год.) Узбекистан делит с Туркменистаном 161-е и 162-е места соответственно, пропустив ниже только Саудовскую Аравию, Сирию, Гвинею-Биссау, Чад и КНДР⁶⁸. Кроме того, в стране систематически нарушаются права женщин и детей (например – см. проблему использования, по сути, рабской рабочей силы на хлопковых полях⁶⁹). Как и на всем постсоветском пространстве, в республике в плачевном состоянии находится пенитенциарная система, применяются пытки. Под лозунгом борьбы с исламизмом нарушаются даже такие базовые гражданские свободы, как свобода совести (контроль за посещением мечетей, религиозной одеждой и т.п.). В 2012 году международная критика в адрес Узбекистана, где применялся детский труд, похоже, подействовала на Ташкент. В отличие от прошлых лет, во время последней хлопкоуборочной кампании наблюдатели не видели на полях детей - собирать хлопок заставили взрослое население⁷⁰.

Ключевой комплекс социально-экономико-экологических угроз – аграрное перенаселение, социальная деградация (в т.ч. связанная с наркотизацией населения афганскими опиатами) и экологическая деградация (в первую очередь, вызванная монокультурой хлопка и растущим недостатком водных ресурсов). Перечисленные факторы являются взаимосвязанными и объективными. Так, например, экономическая и экологическая деградация в сельской местности выталкивает людей в города. Растущая миграция негативно сказывается на городском рынке труда. В итоге массы безработных в городе и на селе могут поддержать требования радикальных исламистов и террористов. Такое развитие событий стало одним из детонаторов «арабской весны».

Очевидно, что тлеющее социальное недовольство – удобный инструмент в борьбе за власть. Дальнейшее падение жизненного уровня населения, деградация социальной инфраструктуры и сферы ЖКХ, коррупция и поборы бизнеса, стратификация общества и отсутствие социальных лифтов, произвол властей и репрессии по отношению к оппонентам режима и «внесистемным» мусульманам –

⁶⁷ См. доклад http://www.freedomhouse.org/sites/default/files/FIW%202012%20Booklet_0.pdf

⁶⁸ <http://www.eiu.com/Handlers/WhitepaperHandler.ashx?fi=Democracy-Index-2012.pdf&mode=wp&campaignid=DemocracyIndex12>

⁶⁹ <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0203/gazeta022.php>

⁷⁰ <http://www.dw.de/dw/article/0,,16237242,00.html>

все эти факторы могут быть умело использованы кланами и внешними силами для дестабилизации обстановки в Узбекистане, где роль кланового фактора выше фактора борьбы за права человека и демократию. Людей на улицы может вывести конфликт противоборствующих группировок под благозвучными лозунгами с дальнейшим неконтролируемым развитием ситуации.

Не исключено и сочетание описанных выше сценариев, особенно, в случае, если здоровье И. Каримова и его возможность контролировать ситуацию в стране ухудшатся, а передача власти будет затягиваться до самого физического конца президента.

Описанный взгляд на ситуацию хорошо соотносится с выводом исследования «Политический атлас современности»⁷¹, где бывшие республики СССР были описаны как субъекты, сталкивающиеся с угрожающей разнородностью рисков. Поставленный на момент выхода исследования рейтинг, где Узбекистан занял 97-е место в списке стран по рейтингу внутренних и внешних угроз, не учитывал несколько существенных факторов, которые оказались на вершине нашей иерархии внутренних рисков. Вероятность безболезненной передачи власти оценивается экспертами крайне низко, в то время как другие объективные трудности накапливаются, и в случае ослабления центрального репрессивного аппарата могут сработать сразу несколько дестабилизирующих факторов, что повлечет непредсказуемые последствия.

Третий, наиболее жесткий сценарий предполагает распад Узбекистана. Война Узбекистана с какой-либо из соседних стран или неуправляемый распад страны после смерти президента – это вечный геополитический кошмар казахстанских аналитиков. Тема распада Узбекистана после ухода или внезапной смерти И. Каримова неоднократно поднималась после Андижана, в т.ч. и в западных СМИ⁷².

⁷¹ http://www.mgimo.ru/files2/y04_2011/186294/politatlas.pdf

⁷² <http://www.inosmi.ru/world/20060322/226290.html>

БЛОК III. ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ УЗБЕКИСТАНА НА ИНВЕСТИЦИИ И ВНЕШНИЕ РИСКИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕЖИМА

1. Отношения Узбекистана с международными финансовыми институтами

Несмотря на то, что доступ к международным заемным средствам Узбекистан наряду с другими странами региона получил вскоре после обретения независимости и долгое время был фаворитом зарубежных «копекунов», этот кредит доверия впоследствии быстро истощился. Первый сигнал недоверия международных финансовых институтов к экономической политике государства прозвучал в 1996 году, когда Международный валютный фонд прекратил программу кредитования Узбекистана по программе stand-by из-за введенных валютных ограничений. На фоне падения экспортных поступлений, вызванных неурожаем хлопка, правительство предпочло ограничить конвертируемость национальной валюты вместо того, чтобы решиться на ее девальвацию и тем самым сохранить доступ к льготным кредитным ресурсам в условиях серьезного давления на платежный баланс. Решение находилось в духе выбранной И. Каримовым парадигмы – лучше испытывать недофинансирование экономики, нежели, получая помощь доноров под обязательства рыночных реформ, терять «командные высоты» в экономике. С тех пор Узбекистан не получал финансирования по программам МВФ.

В 2000-е годы непросто складывались отношения Узбекистана и со Всемирным банком. Ташкент неохотно принимал кредиты, обусловленные проведением реформ в ряде секторов и необходимостью обеспечивать прозрачность закупок. В 2006 году Всемирный банк даже пригрозил прекратить предоставление займов из-за сомнений в эффективности их использования. Скепсис в отношении реформ отражался на двух предыдущих четырехлетних программах кредитования на 2004-2007 и 2008-2011 годы, по каждой из которых Всемирный банк был готов предоставлять Узбекистану на инфраструктурные и социально значимые проекты порядка \$300 млн. В итоге общий объем заявленных Всемирным банком заимствований для Узбекистана с 1992 года по 30 проектам составлял на конец 2012 года не более \$1,4 млрд., из которых объем реально освоенных кредитов не превышает \$760 млн. Данная сумма в масштабах экономики и численности населения невелика.

В последнее десятилетие в международных финансовых институтах даже сторонники мягкой линии в отношении Ташкента становились недовольны ходом экономических реформ в Узбекистане, наталкиваясь на противодействие узбекских властей. В свое время Европейский банк реконструкции и развития являлся одним из важных доноров Узбекистана. Однако на форуме ЕБРР в Ташкенте в 2003 году раздраженная реакция И. Каримова на высказанную представителями банка критику правительственного курса привела к свертыванию программ помощи госсектору из-за невыполнения Узбекистаном требований по либерализации экономики и прекращения практики пыток. После этого скандала банк ограничил кредитование Узбекистана преимущественно частным сектором, больше всего страдающего от жесткого валютного контроля. Но и в последние годы программы ЕБРР по поддержке частного сектора продемонстрировали неэффективность, и в 2011 году ташкентский офис ЕБРР был закрыт.

Собственно, все это время Узбекистан не особо страдал от нехватки финансовой помощи со стороны западных финансовых институтов. Щедрое вливание, не обусловленные проведением рыночных реформ и соблюдением прав человека, шли из

азиатского региона. Это стало возможным во многом благодаря активному содействию Японии – одного из крупнейших мировых финансовых доноров – в частности, на уровне Азиатского банка развития, где позиции Токио весьма сильны. Косвенно способствовал поддержке Узбекистана проводимый правительством курс на постепенные нерадикальные реформы, нашедший поддержку у скептиков в отношении Вашингтонского консенсуса, чьи позиции усилились после Азиатского финансового кризиса 1997 года. Так, на сегодня Япония считается одним из крупнейших доноров Узбекистана. При общих объемах финансовых вложений в инфраструктурные проекты в объеме более \$2,3 млрд., государственные льготные иенные кредиты Узбекистану превышают \$1,2 млрд., а по линии безвозмездной и технической помощи - почти \$400 млн. В свою очередь АБР с 1995 года предоставил Узбекистану \$2,8 миллиарда на реализацию 39 проектов в области образования, сельского хозяйства, модернизации транспортной инфраструктуры и энергетического сектора. На 2012-2016 годы правительство Узбекистан планирует привлечь кредиты АБР уже на сумму около \$4 млрд. Проявляет активность Исламский банк развития, предоставивший Узбекистану с 2003 года около \$250 млн. В 2011 году ИБР и правительство подписали программу сотрудничества на 2011-2013 годы, предусматривающую выделение кредитов на общую сумму \$655,5 млн.

На этом фоне переговорные позиции Узбекистана в доступе к финансовой помощи США и ЕС остаются слабыми. Многие деловые рейтинги страны, от кредитоспособности до ведения бизнеса, последние годы сохраняются на низком уровне. Так, по данным Всемирного Банка, основными препятствиями для инвесторов в Узбекистане являются доступ к финансированию и налогообложение. По уровню экономической свободы на 2012 год Узбекистан находился на 164-м месте из двухсот с лишним⁷³. Снизились и показатели качества регуляторных функций государства наряду с контролем коррупции⁷⁴.

2. Преференции для отдельных компаний и стран

Подавляющее большинство экспертов согласилось с тем, что в стране существуют преференции для компаний из определенных стран. При упоминании конкретных стран с резким отрывом лидируют страны Северо-Восточной Азии: Южная Корея (более 50% экспертов), КНР (50% экспертов) и Япония (30%). Лидерство Южной Кореи один из экспертов объясняет так: *«Южнокорейцам некуда переносить устаревшие предприятия и обновлять технологический цикл, Узбекистан для них выглядит идеальным партнером»*. Кроме того, внутренний южнокорейский рынок становится тесным для местных компаний, что подстегивает их планы экспансии, тогда как для Японии эта особенность менее характерна.

Получившийся в итоге порядок стран, пользующихся де факто наиболее выгодным положением для бизнеса своих компаний в Узбекистане, выглядит следующим образом:

1. Южная Корея
2. КНР
3. Япония
4. США
5. Германия
6. Россия
7. Израиль
8. Великобритания

⁷³ <http://rru.worldbank.org/BESnapshots/Uzbekistan/default.aspx>

⁷⁴ <http://rru.worldbank.org/BESnapshots/Uzbekistan/default.aspx>

9. Франция
10. Индия
11. ОАЭ
12. Турция

2.1. Проблемы компаний из определенных стран

подавляющее большинство опрошенных согласны с тем, что взаимосвязь между проблемами бизнес-структур в Узбекистане и происхождением компаний существует. В качестве основных примеров не всегда благожелательного отношения выделяют прежде всего Россию, Турцию и Казахстан. Среди компаний, подвергшихся преследованию, наиболее часто упоминались предприятия, занятые как в сырьевых секторах, так и в отраслях с более высокой добавленной стоимостью:

- американские телекоммуникационные Telecom Inc.⁷⁵ (2005) и МСТ Corp (2007), российская МТС (2012);
- датский производитель напитков и продуктов питания Carlsberg (2011-12), российский «Вимм-Билль-Данн» (2009 -2010);
- казахский производитель цемента United Cement Group (Кувасайский и Бекабадский цементные заводы, 2012);
- турецкие СП (прежде всего супермаркеты Демир, торговый центр Туркуаз, фирма «Илкай» и др.);
- золотодобыча: американская Newmont Mining (2006-2007) и британская Oхus Gold (2006, 2010);
- металлургия: израильская Metal-Tech Ltd в рамках СП «Узметалл Технолоджи» (2006-2007);
- легкая промышленность: индийская Spentex Industries и ее филиал «Спентекс Ташкент Тойтепа».

Как правило, в отношении перечисленных выше компаний со стороны государства выдвигались налоговые, лицензионные и таможенные претензии, сопровождающиеся арестами персонала и возбуждением против них уголовных дел. Во многих случаях все имущество или часть активов, включая средства на счетах, экспроприировалось в пользу государства, благодаря быстрому проведению процедуры банкротства, или продавалось под давлением за невыгодную цену компаниям, предположительно связанным с различными властными группами. Редкий пример «полюбовного» решения представляет случай с американской Newmont Mining, - компания, потерявшая в результате серии судебных решений в Узбекистане 50-процентную долю в принудительно обанкроченном СП, подала иск в МЦУИС, после чего в июле 2007 года узбекское правительство согласилось выплатить бывшему партнеру \$80 млн. компенсации.

Стоит отметить, что отсутствие прямого давления со стороны властей Узбекистана в случае сотрудничества с ними также не всегда обеспечивает успешность бизнеса ввиду

⁷⁵ Согласно информации специализированного сайта www.comnews.ru, Telecom Inc. и бренд SkyTel были созданы в феврале 2004 г. американской компанией NCI Projects, Inc. (70%) и "Узбектелеком" (30%). Уже в марте 2004 г. SkyTel получил лицензию CDMA-450 на 15 лет, а в апреле начал коммерческую эксплуатацию части сети. Однако в феврале 2005 г. УзАСИ неожиданно распорядилось отключить сеть SkyTel в Ташкенте, ссылаясь на то, что "выделенный ей частотный диапазон был передан силовым структурам Республики Узбекистан". В итоге летом 2005 г. NCI Projects свернула CDMA-бизнес в Узбекистане, а частоты в диапазоне 450 МГц тут же отошли национальному оператору "Узбектелеком", который создал филиал "Узбектелеком Мобайл" и начал предоставлять услуги сотовой связи в стандарте CDMA-450. (Подробнее см.: <http://www.comnews.ru/node/67132>).

международного положения ташкентского режима. Так, шведский телекоммуникационный оператор и инвестор TeliaSonera оказался летом прошлого года в центре внимания СМИ, а также швейцарской прокуратуры, расследующей дело об отмывании денег. В ходе расследования были арестованы два гражданина Узбекистана из окружения Гульнары Каримовой и заморожены счета в швейцарских банках на сумму \$600 млн. Согласно серии документальных журналистских расследований, показанных с сентября 2012 г. шведским общественным телевидением, когда TeliaSonera входила на рынок Узбекистана и приобрела местного оператора сотовой связи Coscom, она заплатила в общей сложности около \$320 млн. гибралтарской компании Takilant, контролируемой Гаянэ Авакян, деловым партнером и подругой Гульнары Каримовой. Однако представители компании отвергают обвинения в даче взяток или участии в отмывании денег. TeliaSonera утверждает, что первый платеж в размере \$30 млн. и уступка 26% акций Coscom гибралтарской компании были сделаны с целью приобретения лицензий, частот и серий номеров - законно и в соответствии с местной практикой,⁷⁶. Однако, как известно, лицензии на предоставление услуг связи в Узбекистане не покупаются, а выдаются государством по заявкам после предоставления всех необходимых документов. Позже, в феврале 2010 года TeliaSonera по условиям пут-опциона вновь выкупила основной пакет акций у Takilant за \$220 млн., увеличив свою долю в операторе до 94% с 74%. Шведскому оператору будет непросто доказать, что деньги, ушедшие на оффшорные счета, не являются банальной взяткой. Сейчас в TeliaSonera по этому поводу идет антикоррупционное расследование. Из-за скандала в феврале 2013 г. генеральный директор TeliaSonera Ларс Нюберг был вынужден уйти в отставку. В конце мая на шведском общественном телевидении были продемонстрированы документы с рукописными пометками, которые, по данным независимой графологической экспертизы, с высокой степенью вероятности могут принадлежать Гульнаре Каримовой. Из этих документов следовало, что узбекской «дочке» TeliaSonera предлагалось перечислять средства для «защиты» от проверок правоприменительных органов, а также спонсировать ряд инициатив Г. Каримовой под видом благотворительной помощи⁷⁷.

2.2. Страны с наибольшими возможностями по защите интересов своего бизнеса в Узбекистане. Обзор наиболее эффективных инструментов

КНР пользуется, прежде всего, общеполитическим влиянием в регионе, в том числе через ШОС, и пониманием партнерами опасности конфликта с китайским руководством. Поднебесная поддерживает тесные контакты на высшем уровне и активно практикует предоставление крупных кредитов, связанных с китайскими проектами. Китай занимает первое место по инвестициям в республику и второе – по объему внешней торговли⁷⁸. Правда, следует отметить, что влияние КНР не всегда было таким значительным, как в последние годы. Присутствие КНР стало нарастать с 2001 года после образования ШОС и изменения геополитической обстановки в регионе вследствие терактов 11 сентября 2001 года. В 2004 году председатель КНР Ху Цзиньтао подписал соглашение о выдаче Узбекистану льготного кредита на сумму \$950 млн. и гранта в \$350 млн.⁷⁹, а вскоре после андижанских событий, в которых Пекин поддержал позицию официального Ташкента, И.

⁷⁶ <http://www.fergananews.com/news.php?id=19478>

⁷⁷ <http://www.fergananews.com/news/20668>

⁷⁸ <http://www.gov.uz/en/press/politics/8915>

⁷⁹ Alisher Ilkhamov, "Profit, not Patronage: Chinese Interests in Uzbekistan," China Brief, 5 (2005), p. 20.

Каримов побывал с государственным визитом в КНР, подписав межгосударственное соглашение о партнерстве, дружбе и сотрудничестве. В 2011 году между КНР и Узбекистаном было подписано соглашение о свопах валют на сумму \$110 млн. с целью облегчения двусторонней торговли⁸⁰. Существенно способствуют привилегированному положению КНР на узбекском рынке также устойчивый рост торговли и, в отличие от Запада, терпимость Пекина к проблемам прав человека, отсутствию демократии и транспарентности. Китай, наряду с другими странами Восточной Азии, еще с начала 1990-х годов является для руководства Узбекистана еще и одной из идеологически близких альтернативных моделей развития по пути авторитарной модернизации.

Ряду других восточноазиатских стран (Южная Корея, Сингапур, Малайзия) также благоприятствуют такие факторы, как масштабные кредиты и инвестиции (особенно в случае Южной Кореи), существенные объемы торговли, терпимость к отсутствию демократических традиций и упомянутый ориентир на авторитарную модель развития (впрочем, несколько нивелированный азиатским финансовым кризисом 1997 года). Наиболее прочно положение Южной Кореи: компании этой страны активно вовлечены в развитие как свободной индустриально-экономической зоны «Навои» – до недавних пор основного из «витринных» инвестпроектов Узбекистана, так и новой свободной индустриальной зоны «Ангрен». В мае 2012 года узбекско-южнокорейское СП «Уз-Кор Газ Кемикал» подписало документы о получении проектного финансирования на сумму \$2,5 млрд. от консорциума международных кредиторов⁸¹. На август 2012 г. суммарный объем корейских инвестиций в Республику составлял более \$5 млрд.⁸², а в сентябре 2012 г. в ходе визита И. Каримова в Сеул были достигнуты договоренности о получении нового корейского финансирования на сумму более \$5 млрд.⁸³. В 2011 г. товарооборот Узбекистана с Южной Кореей составил \$1,6 млрд., а в 2012 г., по данным узбекской стороны, превысил \$2 млрд. В ряде случаев имели также место тесные контакты с узбекским руководством на уровне компаний, поддержанных национальными правительствами.

В целом, азиатские компании, в отличие от западных, лучше понимают специфику работы в рамках авторитарно-клановой системы, а в отличие от российских, пользуются более активной и системной поддержкой собственных государств. Дополнительно, публичные американские, европейские и российские компании (например, в рамках Foreign corrupt practices act⁸⁴ в США) имеют гораздо более строгие правовые ограничения на дачу взяток, чем компании из Восточной Азии, где поддержка своих компаний правительствами имеет приоритетное значение для национальных интересов.

2.3. Причины и устойчивость преференций

Формально режим наибольшего благоприятствования предоставлен узбекским законодательством 44 странам мира. Однако эксперты отмечают, что особое отношение к некоторым крупным компаниям отдельных государств носит исключительно конъюнктурный характер, а значит, сохраняется риск пересмотра преференций. Например, в условиях сближения с США, в данный момент у General Motors бизнес

⁸⁰ <http://www.china-briefing.com/news/2012/03/14/china-takes-further-steps-towards-internationalizing-the-renminbi.html>

⁸¹ <http://www.uzdaily.com/articles-id-18604.htm>

⁸² <http://www.12news.uz/news/2012/08/14/суммарный-объем-инвестиций-южной-корей/>

⁸³ <http://www.gazeta.uz/2012/09/22/korea/>

⁸⁴ <http://www.justice.gov/criminal/fraud/fcpa/>

успешен, но если впоследствии внешнеполитические приоритеты изменятся, то и у GM могут возникнуть проблемы. Подобная логика может быть применена к российской компании МТС, чьи проблемы в Узбекистане хронологически совпали с очередным отдалением Ташкента от Москвы и приостановлении его членства в ОДКБ.

Хотя, как отмечают многие эксперты, в то время как **политические преференции часто меняются в зависимости от колебаний внешнеполитического курса страны**, к компаниям из Восточной Азии (первоначально – южнокорейским, теперь – все больше китайским) сохраняется благожелательное отношение. Кроме того, имеют место преференции отдельным компаниям, ввиду их контактов с местными кланами и руководством республики. В этом плане позиции южнокорейцев долгое время были прочными не только по внешнеполитическим соображениям, но и по причине личного благоволения И.Каримова

Эксперты увязывают эти проблемы как со стремлением чиновников «выжать» из иностранного инвестора максимум возможного, так и с политическими/геополитическими соображениями. Политические разногласия Ташкента с правительствами зарубежных стран отражаются на компаниях этих государств. Мнение эксперта: *«Узбекистан начал подчеркивать свою прозападную ориентацию в пику России, в частности, выйдя летом 2012 года из ОДКБ. С этим можно связать и проблемы российских компаний, в частности, МТС. Кроме того, кому-то в руководстве Республики могла понравиться комбинация, разыгранная против МТС руководством соседнего Туркменистана. Решили ударить по относительно легкой цели в плане соотношения риска и выгоды экспроприации. Разумеется, Узбекистан не рискнул бы «наехать» в таком же масштабе на интересы, скажем, Газпрома, являющегося крупнейшим покупателем узбекского газа».*

Еще одна причина такой структуры преференций состоит в том, что высокий уровень коррупции затрудняет ведение дел для иностранных компаний, чьи акции котируются на западных биржах (имеющих строгие требования к практике compliance), а также тех, кто не имеет прямой лоббистской поддержки со стороны своего правительства в Узбекистане, – что не относится или относится не в полной мере к южнокорейским и китайским компаниям, входящими в крупные промышленные конгломераты, близкие к государству. В этом плане пример Южной Кореи показателен. И. Каримов присутствовал на инаугурации президента Ли Мен Бака, а официальные визиты глав обеих государств проходят с ежегодной регулярностью – в отличие, например, от соседней Японии, являющейся одним из крупнейших доноров Узбекистана, но имеющей в активе менее интенсивную историю поездок высокопоставленных лиц и всего лишь один визит японского премьер-министра (Д. Коидзуми) за всю двадцатилетнюю историю дипломатических отношений.

На эти факты указывают опрошенные представители японских корпораций, в частности, придерживающихся консервативной стратегии, отмечая меньшую требовательность к отчетности и антикоррупционным практикам, а также поддержку правительств стран базирования как факторы сравнительно большего коммерческого успеха южнокорейских и китайских фирм в Узбекистане.

Ставка на выстраивание двухсторонних политических и экономических отношений не вызывает доверия, так как на деле Ташкент, используя противоречия между державами – России, США и Китая, пытается извлечь из своих геополитических маневров сиюминутные выгоды. В последние годы регулярная смена внешнеполитических приоритетов негативно отражалась на судьбе инвестиций – американских, европейских, российских и турецких.

3. Отношения Узбекистана с соседними государствами

Страна	Оценка (по 10-балльной шкале)
Туркменистан	5
Афганистан	5
Казахстан	5
Киргизия	3,5
Таджикистан	2

Оценка экспертами отношений Узбекистана с соседними странами разделяет ближайшее зарубежье республики на две группы: положительные или скорее положительные связи с Афганистаном, Туркменистаном и Казахстаном, и плохие с Кыргызстаном и Таджикистаном. При этом средневзвешенная оценка даже максимально хороших отношений Узбекистана с соседями по региону в целом невысока: она составляет 5 баллов из 10 возможных в случае с Туркменистаном и ниже – с остальными государствами Центральной Азии. Показательна оценка, выставленная отношениям Узбекистана и Казахстана. Западные эксперты в целом лучше оценивают отношения двух стран, чем собственно казахские специалисты.

Исторически с момента распада СССР Узбекистан имел не самые лучшие отношения с соседями. Считая себя региональным лидером, он постоянно оказывал давление на более слабые республики: Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан. С относительно равным по потенциалу Казахстаном установилось глухое соперничество, в котором стороны стараются не доходить до прямых ссор. Все годы существования СНГ именно Узбекистан демонстрировал истинность постулата о том, что постоянных друзей в политике не бывает, есть только постоянство национальных интересов. Он выбирал себе друзей в зависимости от складывающейся геополитической ситуации.

Принципиальных сдвигов в этом плане не наблюдается: с соседями по Ферганской долине сохраняется напряженность как в межэтнических отношениях, так и по вопросам водных ресурсов и энергетики. В отношении Таджикистана официальным Ташкентом регулярно применяются такие методы давления как транспортная блокада и полное перекрытие границ. Выход Узбекистана из ОДКБ, рассматриваемый экспертами как очередной внешнеполитический поворот Ташкента на 180 градусов, также не может способствовать разрядке в контактах с Бишкеком и Душанбе.

С афганским правительством Хамида Карзая – и это нашло отражение в оценках экспертов – особенно благодаря настояниям американцев, отношения в настоящее время относительно неплохие. Но, как замечает один из экспертов, *«Правительство Карзая – это отнюдь не весь Афганистан, существует объективная проблема нелюбви пуштунов к национальным меньшинствам, включая и узбеков, а Ташкент традиционно поддерживает узбеков по ту сторону афганской границы, например, ранее активно помогал группировке Дустума в Мазар-и-Шарифе»*.

Вместе с тем, в последнее время Ташкент взял линию на укрепление связей с Казахстаном, в водно-энергетическом плане находящимся в частично сопоставимой с Узбекистаном зависимости от Киргизии и Таджикистана – государств, контролирующих сток основных речных артерий региона – Сырдарья и Амударья. Отношения Казахстана и Узбекистана в период независимости традиционно были осложнены претензиями обеих стран на региональное лидерство и конкуренцией за роль ключевого регионального

партнера для внешних сил. Однако в сентябре 2012 года Ислам Каримов впервые за четыре года совершил официальный визит в Астану, где был тепло принят Нурсултаном Назарбаевым. Помимо подписания программных соглашений, главы государств достигли договоренности об облегчении транзита грузов через узбекскую территорию, затрудненного после изменения узбекского транспортного законодательства за месяц до визита. Отдельно стоит отметить демонстрацию Н. Назарбаевым солидарной с Ташкентом позиции по Рогунской дамбе – осуждения действий Таджикистана и Киргизии. Для узбекского лидера такое налаживание связей выглядит закономерным как необходимость заручиться поддержкой с учетом приближения 2014 года – времени вывода войск международной коалиции из Афганистана и марта 2015 года – месяца, на который решением Олий Мажлиса (парламента) назначены следующие выборы президента Узбекистана. Часть экспертов, впрочем, сомневаются в стратегическом успехе данного сближения. Астана опасается военного давления со стороны соседа, особенно, с учетом агрессивной политики Узбекистана против соседей. В силу этого сближение по водной проблематике между Астаной и Ташкентом значительной частью экспертов расценивается как поверхностное и сугубо ситуативное.

В среднесрочной перспективе серьезное влияние на ситуацию в регионе оказывает активизация в регионе российских инвестиционных проектов. Это хорошо видно на примере визита В. Путина в Киргизию в сентябре 2012 года, где российский лидер призвал Казахстан и Узбекистан к сотрудничеству в водно-энергетических проектах, поддерживаемых Россией⁸⁵. Достигнутое тогда соглашение между Киргизией и РФ по строительству Верхне-Нарынской и каскада Камбар-Атинских ГЭС может привести к новому витку противостояния в регионе⁸⁶. Уже 26 сентября Президенты Казахстана и Узбекистана выступили с совместным заявлением, по сути осуждающим односторонние действия России и Киргизии⁸⁷. Как сообщил официальный сайт президента Казахстана: *«Лидеры двух стран... еще раз подтвердили ранее выраженные позиции по вопросу строительства гидротехнических сооружений в верховьях реки Сырдарья, требующие проведения независимой международной экспертизы и учета мнений всех заинтересованных сторон»*. После визита в Казахстан И. Каримов посетил в октябре и Туркменистан, где лидеры двух стран выступили с аналогичным предостережением о необходимости согласования позиции всех сторон в регионе при строительстве гидросооружений в Киргизии и Таджикистане.

«ГЭС крайне нужны и для создания новых рабочих мест, и для регулирования водного стока, и для создания новых энергетических мощностей. Если десятки тысяч киргизов и таджиков будут заняты на строительстве масштабных ГЭС, миграционная политика в регионе, в том числе и в самой России, станет абсолютно другой. Это будет хорошая, здоровая политика. А что делает Узбекистан? Он просто угрожает уничтожить эти станции физически, взорвать их, угрожает заблокировать южные области Киргизии и Таджикистана, по сути это прямое воздействие на соседние республики», — поясняет один из наших экспертов.

Отношения Ташкента с Душанбе продолжают находиться на низком уровне, будучи омраченными не только водными проблемами, но и зависимостью Душанбе от узбекского газа, регулярно эксплуатируемой Ташкентом, периодическими инцидентами на границе и ухудшением обстановки в Таджикистане, последним проявлением которого была спецоперация, проведенная правительственными войсками в Горном Бадахшане

⁸⁵ <http://www.cacianalyst.org/?q=node/5844>

⁸⁶ <http://www.regnum.ru/news/1572632.html>

⁸⁷ <http://www.fergananews.com/news.php?id=19515>

против незаконных вооруженных формирований в августе 2012 года. Комментируя планы строительства ГЭС в Таджикистане и Киргизии после визита Путина в Бишкек, И. Каримов выступил с резким заявлением, где допустил вероятность не только противостояния, но и войны⁸⁸. На октябрьскую поездку Путина в Душанбе – скорее рекогносцировочную, несмотря на достигнутую договоренность о пребывании российской базы – Ташкент активно не отреагировал.

По мнению некоторых из экспертов, Узбекистан продолжает воспринимать себя как иерархического лидера всего региона Средней Азии, хотя в действительности в лидеры региона по экономическому потенциалу и развитию вырвался Казахстан. Участие в любых интеграционных проектах (это демонстрирует опыт институционального строительства в рамках ЕС) требует того, чтобы страны-участники договаривались на равных и добровольно. Узбекистан же изредка демонстрирует готовность вести диалог на равных лишь с Казахстаном. Все предшествующие региональные интеграционные структуры (ЦАС - ЦАЭС – ОЦАС) развалились именно по причине чересчур амбициозной политики официального Ташкента. Одна из причин отмеченного экспертами отрицательного характера отношений Узбекистана со своими ближайшими соседями: Таджикистаном, Киргизией и отчасти Туркменистаном – серьезное давление, которое Ташкент оказывает на соседей.

4. Внешние риски устойчивости режима

Риски	Оценка
Вывод американских войск из Афганистана и перенос нестабильности в Центральную Азию	6
Экспансия радикального исламизма	6
Межнациональные конфликты (между киргизами и узбеками в Ферганской долине и др.)	6
Водно-энергетические конфликты с Таджикистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном	6
Выход ситуации в Таджикистане из-под контроля центрального правительства	6
Рост трансграничной криминальной деятельности (наркотрафик)	5
Дестабилизация ситуации в Кыргызстане	5
Появление в регионе новых «несостоявшихся государств»	5
Вооруженные конфликты с соседями по поводу территориальных претензий	4,5
Возможный кризис при передаче власти преемнику Назарбаева в Казахстане	4
Возможная военная операция западной коалиции против Ирана	4
Рост противостояния блока РФ-КНР против Запада	4
Давление международного сообщества (демократизация, соблюдение прав человека)	4
Деятельность иностранных негосударственных организаций	3,5

Внешние риски расцениваются экспертами в среднем как менее значимые по сравнению с внутренними, описанными в конце блока II настоящего исследования. Тем не менее, четко выделяется три комплекса вызовов, представляющих, по мнению экспертов, предмет повышенной озабоченности для Узбекистана. Они также позволяют сформировать три соответствующих сценария.

⁸⁸ [pegnum.pф/news/fd-abroad/uzbek/economy/1571621.html](http://pегnum.pф/news/fd-abroad/uzbek/economy/1571621.html)

Первый из них – угроза дестабилизации в результате вывода войск западной коалиции из Афганистана, запланированного на декабрь 2014 года. В результате может повториться ситуация конца 1990-х годов с выходом к границам постсоветской Центральной Азии талибов и их союзников, например, боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Исламского движения Туркестана (ИДТ). Собственно, в связи с ухудшением ситуации в Афганистане, а также из-за определенного давления со стороны пакистанцев ряд формирований «исламистского интернационала» уже перебазировались на север ИРА. Тесно связана с этим опасность роста пропаганды и террористической деятельности исламских фундаменталистов в регионе. Активность транснациональных (Аль-Каиды, Хизб ут-Тахрир, «Исламский джихад», Хизб ан-Нусра) и региональных исламистских группировок (ИДУ, ИДТ), как военизированного, так и политического толка, уже имела место в различных районах Узбекистана, особенно, в перенаселенной и консервативной Ферганской долине.

Опасность деятельности иностранных негосударственных организаций может быть преувеличена правительственной пропагандой, однако для светского авторитарного режима сохраняется риск параллельного давления как со стороны исламистов (прежде всего в рамках структуры Аль-Каиды), финансируемых арабскими монархиями, так и со стороны западных организаций, выступающих за демократизацию и развитие институтов гражданского общества. Формально неправительственные организации связаны с совершенно различными политическими и социальными группами внутри страны. Одни – с традиционалистской интеллигенцией, радикально-консервативными исламистами в провинции, представителями торгового сословия, городскими маргиналами, другие – с «просвещенными горожанами» и прозападными либералами. Однако, если вспомнить опыт исламской революции в Иране, свержения президента Набиева в Таджикистане и «арабской весны», то во всех трех случаях на первых этапах революционных событий либералы и исламисты действовали в коалиции. Правда, потом, как правило, побеждала позиция именно исламистов.

Вместе с тем, все более разрушительную роль в Центральной Азии играет наркоэкспансия из Афганистана, способствуя росту социальных проблем и коррупции госаппарата. Контроль над борьбой с наркотрафиком фактически остается сферой ответственности правительства Х. Карзая, в которую вмешательство США не носит активного характера.

За время сближения США с Узбекистаном и в результате растущего риска «развода» с Пакистаном⁸⁹, все еще предоставляющим кратчайшие пути поставок для нужд коалиции ISAF, Ташкент всячески старался выступить в роли главного регионального партнера по прибыльному транзиту грузов. Взамен узбекское руководство предложило свой ценный афганский опыт и хорошие связи с Афганистаном, в частности с афганцами узбекского происхождения, проживающими в пограничных с Узбекистаном северных провинциях страны. При этом Ташкент неоднократно манкировал участием в организуемых США международных конференциях по проблеме Афганистана по причине своего скептического отношения к правительству Х. Карзая, отношения с которым поддерживаются на хорошем уровне во многом благодаря настоянию американцев⁹⁰. В случае вооруженного конфликта ожидается, что Узбекистан, как и прежде, поддержит северные антиталибские силы, среди которых много афганских узбеков. Такая позиция Ташкента по Афганистану и «роман» с США могут вызвать жесткую реакцию как самих талибов, в чьих интересах предотвратить какую-либо альтернативную консолидацию

⁸⁹<http://thediplomat.com/flashpoints-blog/2012/09/21/should-the-u-s-and-pakistan-get-divorced/>

⁹⁰<http://thediplomat.com/2012/08/08/a-forgotten-player-in-a-post-2014-afghanistan-uzbekistan/>

внутри страны, так и поддерживающего исламистов Пакистана, отношения Узбекистана с которым эксперты оценили как натянутые. В результате, как это уже имело место в конце 1990-х годов, может резко усилиться поддержка национальных меньшинств севера Афганистана со стороны Ташкента.

Кроме того, по оценкам экспертов, дружба с США, в конечном итоге, приводит к поддержке последними оппозиционных движений внутри Узбекистана. Сам Ташкент указывал на это в качестве одной из причин андижанских событий 2005 года, хотя они имели значительную экономическую и религиозную подоплеку, помимо собственно внутривнутриполитической.

Вероятность дестабилизации обстановки после вывода коалиции НАТО из Афганистана оценивается в пределах 50%, правда, эксперты не поставили его выше в иерархии значимости, чем кризис смены власти, так как осложнение обстановки в Афганистане не обязательно приведет к полномасштабному кризису в Узбекистане. Даже в конце 1990-х ситуация представляла собой вызов безопасности, в противодействии которому Ташкент сумел устоять.

Вторая группа рисков и соответствующий сценарий связаны с продолжающейся «Новой большой игрой» между державами в регионе. Ташкент играет в ней ключевую роль, особенно благодаря постоянным переходам от политики сближения с США к политике сближения с Россией. В этой ситуации кто-то из обиженных игроков может "поспособствовать" росту проблем Ташкента, как неформально, поддержав внутреннюю оппозицию режиму, так и формально, введя санкции. Здесь можно также обратить особое внимание на возможность использования против Узбекистана «водного оружия» (в недавнем докладе разведывательного сообщества США говорится о возможности использования такого оружия уже в ближайшем будущем, в том числе, и в Центральной Азии⁹¹). Узбекистан здесь особенно уязвим, так как его снабжение водой на 80% зависит от водных ресурсов лежащих выше по течению Кыргызстана и Таджикистана. Собственно, Аральская катастрофа в западной части страны уже представляет собой серьезную проблему, возникшую именно по причине нехватки воды. В Ташкенте давно опасаются, что гидропроекты в Таджикистане и Кыргызстане могут привести к резкому уменьшению поступления воды и к тому, что Ташкент окажется в положении прямой зависимости от Душанбе и Бишкека (например, его попытаются заставить покупать воду, которую он раньше получал даром). В этом плане стоит обратить внимание на прошлогодние визиты Путина в Кыргызстан и Таджикистан и на обещание России принять участие в сооружении целого каскада ГЭС. Однако куда более чувствительна для Ташкента проблема сооружения Рогунской супер ГЭС в Таджикистане.

Строительство Рогунской ГЭС на реке Вахш проектной мощностью 3600 МВт началось в 1976 году. К моменту распада СССР была возведена плотина высотой 40 метров, сформированы помещения машинного и трансформаторного залов. В 1993 году работы на объекте были заморожены из-за отсутствия финансирования, начавшейся в Таджикистане гражданской войны и массового отъезда специалистов. В 1994 году из-за паводка дамба была размыва, тоннели и служебные сооружения затоплены. Первая реанимация проекта состоялась спустя 10 лет, когда таджикское правительство и российская компания РУСАЛ подписали соглашение о совместном строительстве ГЭС. Руководство РУСАЛ пообещало вложить в проект около \$2 млрд.. Но в итоге стороны не смогли согласовать принципиальные вопросы - Душанбе отверг проект РУСАЛа о

⁹¹ См.: Global Water Security. INTELLIGENCE COMMUNITY ASSESSMENT. ICA 2012-08, 2 February 2012.

снижении высоты плотины до 285 метров, назвав эти параметры неэффективными. В 2007 году Душанбе в одностороннем порядке расторг договор и решил вести все работы самостоятельно. Строительство Рогунской ГЭС, оцененное в \$2,2 млрд., осуществлялось за счет прямых вычетов из зарплат населения на \$187 млн. и выпуска ценных бумаг на сумму \$1,4 млрд., из которых 89% акции, приобретенные населением, государственными и частными предприятиями. С 2007 по 2010 год было освоено \$273 млн., в 2011 г. — \$167,6 млн. Администрация США в лице госсекретаря Хиллари Клинтон в ходе единственного визита в Таджикистан в октябре 2011 года посоветовала официальному Душанбе отказаться от идеи возведения большой плотины. А заместитель госсекретаря США Роберт Блейк отметил, что считает «очень важными» оценочные исследования Всемирного Банка (ВБ) по Рогунской ГЭС. В 2010 году банк не возражал против строительства плотины высотой 120 метров, позволяющей ввести в строй два агрегата, но в ноябре 2011 года ВБ принял решение о приостановке строительства плотины по причине «заиления водохранилища» и с тех пор настаивает на уменьшении высоты плотины с 335 до 170 метров. Игнорировать позицию ВБ Таджикистан не может, так как зависит от его кредитов и финансовой помощи. В настоящее время по настоянию ВБ все работы на стройплощадке Рогунской ГЭС приостановлены до окончания международной экспертизы «влияния на нижерасположенные страны». По оценкам экспертов, такая экспертиза может длиться бесконечно долго.

Поддержка этого проекта каким-то из внерегиональных игроков будет фактически эквивалентна применению «водного оружия». Поэтому часть опрошенных экспертов, считают проблему строительства Рогунской ГЭС ключевой для всего региона.

Вероятность реализации данного сценария – порядка 33%, так как у Узбекистана в случае давления на него одной из держав всегда есть возможность прибегнуть к защите и посредничеству других не менее влиятельных центров силы. При этом сближение Москвы с Бишкеком и Душанбе пока не носит прорывного характера и не является той ценой, которую Москва готова, например, платить за отдаление Ташкента⁹². Пока Россия готова приступить к строительству Верхне-Нарынского каскада ГЭС в Киргизии, пообещала Бишкеку \$1,1 млрд. на оснащение киргизской армии, \$200 млн. – на военную помощь Таджикистану. Еще \$250 млн. обещано Душанбе в результате отмены Россией экспортных пошлин на нефтепродукты. Вопросы финансовой помощи увязываются партнерами Москвы с продлением военного присутствия РФ в этих странах. Особенно усердствует в торге Таджикистан, который выдвигает дополнительные условия, предлагая закрепить устные договоренности по оказанию военной помощи и финансированию строительства гидроэнергетических объектов в обмен на ратификацию соглашения о продлении на 30 лет пребывания российской военной базы на своей территории. **Естественно, Ташкент крайне настаивает на усилении влияния России в Киргизии и Таджикистане в военной и водно-энергетической сфере, что чревато расколом Центральноазиатского региона на российский и американский военно-политические блоки.**

Третий комплекс проблем и соответствующий сценарий связан с отношениями с соседями по бывшему СССР: Таджикистаном, Кыргызстаном и даже Туркменистаном, отношения с которым эксперты ранее охарактеризовали скорее положительно. Выше уже упоминались водно-энергетические споры: контролирующая сток Амударьи и Сырдарьи Кыргызстан и Таджикистан продолжают реализацию проектов по строительству дамб и гидроэлектростанций. Значительный дестабилизационный

⁹² <http://www.regnum.ru/news/polit/1578638.html>

потенциал содержится в пограничных трениях и территориальных спорах с Таджикистаном и Киргизией, где стороны балансируют на грани открытого вооруженного конфликта. В отношении Таджикистана Ташкент действует особенно жестко. Осуществлена односторонняя делимитация границы, введены визовые ограничения, применяются такие методы, как транспортная блокада и минирование границ. Отдельную озабоченность вызывает межэтническая напряженность в Ферганской долине, обострившаяся после узбекско-киргизских столкновений в городе Ош в 2010 году, поставивших под сомнение дееспособность и миротворческие возможности ОДКБ. Не улучшается ситуация с узбекским меньшинством, проживающим в Туркменистане. Конфликтогенность усугубляется претензиями Узбекистана на региональное лидерство и позиционированием себя как ключевого регионального игрока, что не способствует интеграционным и консенсусным решениям.

В Таджикистане социально-экономическая ситуация очень тяжелая: госаппарат становится несостоятельным из-за коррупции и наркоторговли, а региональные группы постоянно пребывают в латентном конфликте, о чем свидетельствуют прошлогодние боевые действия в Горном Бадахшане. Вероятность выхода ситуации в Таджикистане из-под контроля центрального правительства сохраняется, и Узбекистан может легко воспользоваться этим, как это уже было во время таджикской гражданской войны в 1990-е годы. Непростая ситуация сохраняется и в Киргизии: очередная революция на фоне ухудшения социально-экономической обстановки может привести к коллапсу государства.

Таким образом, в регионе есть сразу три кандидата на роль «несостоявшихся государств». Афганистан после 2014 года может оказаться в состоянии новой войны «всех против всех». Как считает политолог Юрий Солозобов, *«отмахнуться от афганской проблемы ни России, ни Казахстану, ни самой Европе просто невозможно. Да, это будет трудная и кропотливая работа. Но афганский нарыв находится под боком, и мы просто обязаны его аккуратно залечить. В противном случае, любая масштабная дестабилизация Афганистана может свести на „нет“ все позитивные достижения наших стран за постсоветские годы. Или поджечь и полностью перекрыть регион Центральной Азии, а затем и саму Россию»*⁹³.

В любом случае, либо прямой конфликт с Киргизией или Таджикистаном, либо разразившийся в этих странах кризис может привести к резкой дестабилизации обстановки в самом Узбекистане. Вероятность реализации какого-либо из вышеописанных сценариев достаточно высока, порядка 50%. Однако высока и вероятность того, что стабильность в Узбекистане в случае реализации этого сценария, все-таки, сохранится, о чем говорят не самые высокие баллы внешних рисков, выставленные экспертами. Во времена раннего И. Каримова государство удержалась и в ситуации гражданской войны в Таджикистане, и в ситуации революций и межэтнических столкновений в Киргизии.

⁹³ <http://www.iarex.ru/articles/12704.html>

5. Отношения Узбекистана с главными внерегиональными центрами силы в Центральной Азии

№ п/п	Страны	Оценка
1.	Китай	7.0
2	США	6.5
3	Российская Федерация	6
4.	Южная Корея	6
5.	ЕС	5.5
6.	Индия	5
7.	Турция	5
8.	Пакистан	5
9.	Иран	4.5
10.	Саудовская Аравия	4

Наиболее высоко опрошенные эксперты оценили двусторонние отношения Ташкента с ключевыми державами т.н. «Новой Большой игры»: КНР, США и Россией. Четвертое место после «большой тройки» занимает Южная Корея, известная своей прагматичной экономической дипломатией, невмешательством во внутренние дела стран-партнеров по региону, и достигшая значительных успехов в упрочении экономических позиций в Центральной Азии, в том числе благодаря поддержке местной корейской диаспоры.

Доктрина внешней политики, принятая узбекским парламентом в августе 2012 года, делает упор на внеблоковости страны, отсутствии на ее территории иностранных военных баз и ставит во главу угла национальные интересы. С одной стороны, курс на равноудаленность Узбекистана от великих держав выражался в попеременном следовании за Россией и США и заканчивая последним сближением с Вашингтоном. Узбекистаном подписаны декларации о стратегическом партнерстве с США (2002 г.) и КНР (2012 г.), с Россией же действует договор «О союзнических отношениях» (2005 г.), а в июне 2012 года в ходе визита В. Путина в Ташкент была подписана декларация об углублении стратегического партнерства.

За прошедший год Узбекистан значительно укрепил свои позиции стратегического американского партнера в регионе как за счет сотрудничества с коалицией ISAF, так и вследствие ухудшения отношений США с Пакистаном, до недавнего времени бывшим одним из ближайших американских союзников. И это произошло несмотря на то, что И. Каримов фактически шантажировал США угрозами закрыть Северный маршрут поставок военных грузов через Узбекистан, если Вашингтон не перестанет педалировать тему прав человека, о чем есть свидетельства в материалах Wikileaks. В то же время велик интерес к деньгам, которые будут выделены на предстоящий вывоз грузов из Афганистана. В 2010 году западная пресса сообщала, что Пентагон осуществляет поставки через американскую фирму FMN Logistics, которая связана с семьей Каримовых⁹⁴.

Нет особых сомнений в том, что США планируют передать часть техники, выводимой из Узбекистана странам Центральной Азии, причем большую ее часть получит

⁹⁴ См.: <http://harpers.org/archive/2010/03/hbc-90006766>

именно Узбекистан. В конце января 2013 года газета New York Times сообщила, что Узбекистан неофициально запросил у США, Великобритании и Германии вывозимые из Афганистана броневые автомобили, вертолеты, детекторы мин, навигационное оборудование, приборы ночного видения, беспилотники и др.⁹⁵. В подтверждение этого в начале февраля министр обороны Великобритании Филип Хаммонд после визита в Узбекистан заявил британскому парламенту, что его страна безвозмездно передаст Узбекистану грузовики и запчасти к армейским внедорожникам. Как считает политолог Юрий Солозобов, *«Последствия подобного решения могут быть довольно сильными, потому что узбекская армия и так довольно боеспособна. А если дать им современное натовское оружие, это будет сила номер один в регионе. Узбекистан имеет, как известно, территориальные претензии почти ко всем соседям в регионе. Там есть многочисленная диаспора, многочисленные контрагенты и афганские узбеки, в том числе военизированные. Мы получаем детонатор, который может взорвать всю Центральную Азию».*⁹⁶

Головокружение от успехов. По сообщениям ряда СМИ, юридический задел для передачи техники уже создан: на полях майского саммита НАТО 2012 года в Чикаго, где присутствовала и делегация из Ташкента, между США и Узбекистаном была достигнута устная договоренность об обратном транзите военных грузов из Афганистана. В июле 2012 года появился и соответствующий меморандум. Стороны продолжили обсуждение вопросов стратегического и военно-технического сотрудничества в свете вывода войск коалиции НАТО из Афганистана во время визитов помощника госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Роберта Блейка в Ташкент и мартовского визита министра иностранных дел Узбекистана Абдулазиза Камилова в Вашингтон. **Однако столь мощная внешнеполитическая поддержка может сыграть с режимом И. Каримова злую шутку и привести в конечном итоге к значительному ухудшению инвестиционного климата. Заручившись поддержкой на Западе, коррумпированные элементы режима вполне могут перейти в атаку на немногие оставшиеся гражданские свободы и прибыльные активы в экономике. Возможности репрессивной практики действий правоохранительных органов в отношении целого ряда иностранных хозяйствующих субъектов обширны. Такие иностранные компании как МТС, United Cement Group, Oxus Gold, Spentex Industries, Newmont Mining и другие были вытеснены с узбекского рынка в результате действий правительственных органов, граничивших с рэкетом. Уверовав в собственную безнаказанность, режим может перейти опасную черту, а дальнейшее закручивание гаек в политике и экономике в среднесрочной перспективе приведет к самым неблагоприятным экономическим последствиям на фоне усиления зависимости от помощи извне.**

По мнению сразу нескольких специалистов, в свете предстоящего вывода войск коалиции из Афганистана, власти США ценят сотрудничество с официальным Ташкентом и готовы закрывать глаза на ситуацию с правами человека в Узбекистане. *«Кажется, что время опять повернулось вспять, - отмечает один из экспертов, - американцы вернулись к своей старой затее: назначить Узбекистан главным «смотрящим» по ЦАР, т.е. страной-лидером в экономической, политической и военной сфере. Но уже на новых условиях – население заметно обнищало, стало более податливым к радикальным рыночным реформам. Да и на элиту есть дополнительные каналы давления – через исламских радикалов ИДУ и военизированных «афганских узбеков».* Крайне красноречивы и сдержанные заявления по этой теме таких высокопоставленных официальных лиц США, как бывший госсекретарь Хиллари Клинтон, которая своим особым распоряжением

⁹⁵ http://www.nytimes.com/2013/02/01/world/asia/uzbekistan-wants-natos-leftovers-from-afghanistan.html?_r=0

⁹⁶ http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/no_program/88721696.html

исключила Ташкент из черного списка стран — нарушителей прав человека, с которыми нельзя налаживать военно-техническое сотрудничество⁹⁷, ее заместителя по Южной и Центральной Азии Роберта Блейка⁹⁸ и посла в Ташкенте Джорджа Крола⁹⁹. Дж. Крол, в частности, в своем интервью ИА "Фергана" заявил, что «США не планируют открывать военную базу в Узбекистане. Никаких переговоров по этому вопросу с узбекскими властями не было». Однако многие наши собеседники придерживаются другого мнения. В прессу уже просочились сведения о конкретных планах. По данным, которые приводил российский ежедневник «Коммерсантъ», «Вашингтон и Ташкент начали переговоры по созданию на территории Узбекистана Центра оперативного реагирования, главной задачей которого станет координация действий на случай обострения ситуации после вывода большей части американских войск из Афганистана в 2014 году»¹⁰⁰. Госдеп США всячески опровергал такую возможность, однако, как сообщило в начале мая 2013 года информационное агентство «Фергана», в Ташкенте в июне открывается региональное представительство НАТО, который будет координировать в региональном масштабе вопросы транспортировки грузов из Афганистана по «Северному маршруту»¹⁰¹. Известна любовь американских властей к эвфемизмам и юридической казуистике — формально в Узбекистане военной базы США может и не быть, но де-факто со временем может возникнуть военный объект НАТО под благопристойной вывеской «транзитного центра», «центра оперативных перевозок» и т.п. Проблема заключается в том, что США объективно заинтересованы в долгосрочном военном присутствии в регионе на случай дестабилизации ситуации в Афганистане и, в стратегическом плане, для сдерживания растущей мощи Китая.

Учитывая, что Киргизия под влиянием оказывающей ей экономическую помощь России все-таки приняла официальное решение о закрытии Центра транзитных перевозок (т.е. американской военной базы) в аэропорту Манас, узбекское направление выглядит для укрепления влияния США в регионе во многом ключевым. Однако неопределенность в планах Вашингтона по стратегическому присутствию в регионе остается. Так, в начале июля представитель президента США Джей Карни заявил, что рассматривается вариант полного вывода американских войск из Афганистана в 2014 году¹⁰². Как отмечает один из экспертов: «по масштабам сотрудничества с узбеками все будет решено в зависимости от финальных условий соглашения с Кабулом, затрагивающих объемы будущей военной и финансовой помощи, переговоры по которым пока «подвисли». Нервозность Х. Карзая понятна: если силы коалиции уйдут полностью, удержать власть будет проблематично.

Мнение эксперта: «примером, когда Запад по геополитическим соображениям помогал какой-то стране, несмотря на специфическую политику руководства этой страны, и это привело к постоянному ухудшению инвестиционного климата, может служить Заир при маршале Мобуту. Тогда США постоянно делали ставку на эту крупную страну в противостоянии коммунизму в Африке. В результате постоянного ухудшения экономической политики, захвата собственности, доведенной до абсурда клановой системы и коррупции, страна к последним годам власти Мобуту практически

⁹⁷ <http://www.theatlantic.com/international/archive/2011/11/did-clinton-go-soft-on-human-rights-in-uzbekistan-visit/247643/>

⁹⁸ <http://camonitor.com/archives/4903>

⁹⁹ <http://www.fergananews.com/article.php?id=7495>

¹⁰⁰ Подробнее см.: <http://www.kommersant.ru/doc/2006662>

¹⁰¹ <http://www.fergananews.com/news/20600>

¹⁰² <http://ria.ru/world/20130709/948667651.html>

развалилась. Именно эта ловушка может ожидать Узбекистан в том случае, если сближение с Западом не будет сопровождаться структурными экономическими и политическими реформами. Однако такие реформы при нынешнем характере кланово-авторитарного режима крайне трудноосуществимы, поскольку могут подорвать его основу».

Вместе с тем, при более пристальном рассмотрении перспективы узбекско-американского сближения представляются экспертному сообществу более противоречивыми. Эти отношения находятся в сильной зависимости от новой внешнеполитической концепции Ташкента, а также от отношений США и Узбекистана с потенциальными партнерами по проекту «Нового Шелкового пути» (американской инициативы по обустройству Афганистана и всего региона путем улучшения транспортно-коммуникационной инфраструктуры региона) и диверсификации внешнеэкономической деятельности Узбекистана после вывода войск коалиции в 2014 году.

Заместитель госсекретаря Р. Блейк положительно отмечал сотрудничество Узбекистана с проектом Центрально-азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) – наиболее ярким и крупным примером идеи «открытия» Центральной Азии миру путем экономического сближения, строительства инфраструктуры и транспортных коммуникаций. Данный проект поддерживается многочисленными международными финансовыми институтами: включая Всемирный банк, АБР, японское агентство ЛСА, Исламский банк развития и др. Аналогичную важность будет иметь Узбекистан для американского проекта «Нового Шелкового пути» – преемника концепции «Большой Центральной Азии». Участвует Ташкент и в программе Евросоюза ТРАСЕКА¹⁰³, объединяющей страны Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии с целью развития коммуникационных маршрутов – особенно прикаспийских и причерноморских – которые снижали бы зависимость от России, соединяя страны-участники с Европой, КНР и южными морями. Несмотря на почти 20-летнюю историю и институционализацию, проект ТРАСЕКА реализуется вялыми темпами, однако включает в свои ряды такого ключевого регионального игрока, как Иран.

Парадоксально, но именно политика Узбекистана может явиться главной преградой на пути к осуществлению амбициозных интеграционных замыслов. Географическое положение страны уникально – только Узбекистан граничит одновременно со всеми государствами региона, при этом не только не имея выхода к морю, но и являясь «дважды замкнутой» страной – окруженной исключительно странами, не имеющими выхода к мировому океану. Как показывает экспертная оценка, в наднациональных инициативах режим Каримова усматривает угрозу своим национальным интересам, подозрителен к своим соседям по региону и нередко вступает с ними в кон фронтацию.

Закрытость и непредсказуемость внешней политики Ташкента тормозит реализацию региональных инвестиционных проектов. Опасения Каримова попасть под влияние внешних игроков и поступиться частью суверенитета блокируют участие Узбекистана в интеграционных проектах в регионе и на постсоветском пространстве. Каримов демонстративно вышел из ОДКБ, отстранился от участия в Таможенном союзе и в последнее время проявляет осторожный подход в рамках инициатив ШОС.

¹⁰³ См.: <http://www.traceca-org.org/en/home>

Амбиции регионального лидера и нерешенные территориальные и водные проблемы с соседними странами затрудняют участие Узбекистана в региональных проектах в сфере транспорта и в гидроэнергетике. Как свидетельство – правительство Узбекистана свело к минимуму или практически свернуло сотрудничество с Европейским банком реконструкции и развития, финансировавшим инфраструктурные проекты. Одновременно режим Каримова демонстрирует крайнюю подозрительность к своим соседям и вступает с ними в постоянную конфронтацию, в частности, по поводу регулирования стока трансграничных рек. Участие компаний, в том числе российских, в строительстве гидроэнергетических сооружений в Таджикистане и Киргизии неминуемо повлечет обострение отношений Узбекистана с государствами, оказывающими политическую поддержку такого рода инвестициям.

С точки зрения ряда экспертов, история предыдущего сближения Узбекистана с США, начавшегося после терактов 11 сентября 2001 года, показывает, что американцы, начиная помогать союзной стране, неизбежно делают акцент на строительстве гражданского общества и поддержке политической оппозиции, а также оказывают давление по поводу соблюдения прав человека и демократизации. Такая помощь стране считается важной в рамках американских политических ценностей и идеологии. Однако для узбекского режима такая помощь опасна, поскольку ставит под сомнение сами основы кланово-авторитарного режима. Сближение начала 2000-х закончилось мятежом и беспорядками в Андижане (причем Ташкент начал сворачивать американское присутствие раньше этих событий). Высока вероятность аналогичного конфликта и в будущем. Единственный способ его избежать - сбалансировать отношения с США отношениями с другими великими державами. Именно это Ташкент и делает сейчас, сохраняя хорошие отношения с КНР. Для того, чтобы такая политика многовекторности реально работала, Ташкенту придется улучшить и двусторонние отношения с Россией. А это пока не удается. В результате можно ожидать наступления момента, когда **давление США по поводу соблюдения прав человека и демократизации приведет к новому повороту Ташкента в сторону Москвы и Пекина и к демонстративному ухудшению отношений с США.** Пока узбекская внешняя политика сводилась именно к таким циклам, причем, настоящий период сближения с США - уже второй за постсоветскую историю. Уже сейчас, на новом подъеме узбекско-американских отношений, США пытаются обратить внимание общественности на состояние дел не только во внутренней политике Узбекистана, но и в сфере экономики. В августе 2012 года в рамках ежегодных узбекско-американских консультаций и бизнес-форума в Ташкенте Комиссия США по безопасности и сотрудничеству в Европе, вступаясь за американских акционеров МТС, направила письмо И. Каримову, в котором потребовала прозрачного расследования дела против узбекской дочки МТС. Позже с аналогичным письмом обратились пятеро конгрессменов, выражая озабоченность действиями властей против МТС-Узбекистан и ее сотрудников.

Несмотря на конфликтную ситуацию вокруг компании МТС, эксперты оценили российско-узбекские отношения скорее положительно относительно других векторов внешней политики Ташкента. В середине апреля И. Каримову во время его визита в Москву удалось отчасти снять напряженность и накопившийся негатив в двусторонних отношениях, вызванные решением Ташкента о приостановлении членства в ОДКБ и очередной переориентацией на США. В ходе апрельского визита стороны также подписали межправительственное соглашение о защите и взаимном поощрении инвестиций, его ратификация должна упрочить позиции российского бизнеса. Однако

маятниковые колебания узбекского руководства неизбежно подтачивают доверие не только со стороны России, но и других великодержавных партнеров, и эта тенденция может сохраниться, несмотря на курс страны на неприсоединение, четче прописанный в новой внешнеполитической доктрине, чем в предыдущей.

Кроме того, согласно этой внешнеполитической линии, проблемы в Центральной Азии должны решаться без вмешательства третьих сторон¹⁰⁴. Такая позиция трудно реализуема, учитывая порой разнонаправленные устремления России, Китая и США в регионе и их отношения с Ташкентом.

Так, Россия начала свое возвращение в Центральную Азию, параллельно проводя интеграцию с Казахстаном и недавно значительно улучшив связи с Киргизией, в том числе по вопросу размещения военных баз. Согласно последним двусторонним соглашениям, останется российская военная база и в Таджикистане. Российские планы по созданию баз в Киргизии могут получить дальнейшее развитие (и вызвать отрицательную реакцию Ташкента) в результате строящейся американцами в Киргизии радиолокационной системы, формально предназначенной для мониторинга пространства Китая и Казахстана, но имеющей более значительный потенциал¹⁰⁵.

КНР продолжает наращивать финансовое и инфраструктурное сотрудничество с соседними Киргизией¹⁰⁶ и особенно Таджикистаном¹⁰⁷, и обострение в отношениях этих центральноазиатских стран-членов ОДКБ с Узбекистаном может осложнить дальнейшее китайское экономическое проникновение.

Дополнительным неизвестным фактором являются дальнейшие отношения США с Россией и КНР. Администрация Обамы взяла курс на «возвращение в Восточную Азию», выразившийся среди прочего в упрочении союзов со своими восточноазиатскими партнерами, например, в рамках проекта Транстихоокеанского партнерства, не включающего КНР, и создании системы ПРО в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что вызвало неприятие Пекина. Часть российских и центральноазиатских экспертов усматривают в действиях США своеобразную двойную стратегию. С помощью расширения потока капиталов и создание системы внешнего управления превратить нынешний Узбекистан в управляемую условную Южную Корею, а проблемы Афганистана решать через перекачку туда дешевых товаров народного потребления, созданных узбекским трудом при помощи южнокорейских технологий на американские деньги и под американским контролем. В качестве бонусов США получают не только купирование социальных проблем Афганистана, но сдерживание позиций КНР силами нового ключевого союзника.

С точки зрения западных экспертов, у США нет никаких иллюзий относительно Узбекистана. Нет надежд ни на политическую либерализацию, ни на демократизацию, ни на либеральные экономические реформы, ни на то, что Ташкент может стать серьезным союзником, нейтрализующим влияние КНР. Главным же драйвером процесса взаимодействия является желание сохранить стабильность Узбекистана и, как следствие, стабильность всей Центральной Азии.

Не вызывает разногласий экспертов тот факт, что с 2012 года и поныне отношения Узбекистана и США находятся на высоком уровне. Фактически, Вашингтон обрел в лице Ташкента возможную замену для ставшего слишком своевольным Исламабада в вопросе транзита грузов из Афганистана. **Однако, «медовый месяц» в отношениях между США**

¹⁰⁴ <http://www.cacianalyst.org/?q=node/5829>

¹⁰⁵ pegnum.pf/news/fd-abroad/uzbek/polit/1572650.html

¹⁰⁶ http://www.ng.ru/cis/2012-08-03/1_bishkek.html

¹⁰⁷ <http://www.riss.ru/?commentsId=294>

и Узбекистаном рискует оказаться недолгим ввиду неясности ключевых вопросов американо-узбекского сотрудничества. Удастся ли Узбекистану позиционировать себя как ключевого регионального партнера в долгосрочной перспективе. Вряд ли терпение Белого Дома как патрона будет «эластичным», учитывая многовекторность дипломатии Узбекистана и практику постоянного повышения тарифов на перевозки транзитных грузов. Вопрос еще и в том, удастся ли Узбекистану и дальше продавать себя как ключевого партнера США в регионе. После вывода американского воинского контингента из Афганистана светское правительство Узбекистана может оказаться неспособным справиться с новой активизацией фундаменталистов и террористических групп в ответ на слишком тесный союз с Вашингтоном.

ПРАВИЛА ДЛЯ ИНВЕСТОРОВ В УЗБЕКИСТАНЕ

1. Нельзя делать ставку на один влиятельный клан, необходимо иметь возможность маневра между кланами.
2. Закладывать политические риски в цену контракта.
3. Не инвестировать в инфраструктуру на месте. Предпочтительнее работать на основе прямых контрактов по прямому заказу узбекских властей.
4. Если бизнес ориентирован на внутренний спрос, предпочтительнее использовать местных дистрибьюторов и не располагать производственные мощности в Узбекистане.
5. При обслуживании бизнеса добывающих компаний лучше минимизировать общение с представителями власти в Узбекистане даже ценой понижения маржинальности.
6. Уникальная технология дает особые привилегии, но она не дает полных гарантий неприкосновенности бизнеса. Следует с большой осторожностью входить в долгосрочные проекты.
7. Заранее продумать схему вывода прибыли за пределы финансовой системы Узбекистана.
8. Заранее предусмотреть возможность ухода из страны в максимально сжатые сроки с минимальными потерями для бизнеса.
9. При реализации любого крупного проекта необходимо обеспечить политическую поддержку со стороны собственного правительства. При этом стоит отметить, что при вхождении в проект, являющийся частью геополитической стратегии той или иной страны, нельзя рассчитывать на его длительное существование в силу постоянной смены приоритетов внешней политики Узбекистана.

Авторский коллектив:

Руководитель проекта — Евгений Минченко, президент коммуникационного холдинга «Minchenko consulting», генеральный директор Международного института политической экспертизы (МИПЭ);

Кирилл Петров, кандидат политических наук, руководитель аналитического департамента Международного института политической экспертизы (МИПЭ);

Андрей Казанцев, доктор полит. наук, директор Аналитического центра ИМИ МГИМО (У) МИД России.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Об Институте

Международный институт политической экспертизы (МИПЭ) - независимая исследовательская организация. Основан в 2003 г.

Основные виды деятельности:

- Изучение практики проведения политических и лоббистских кампаний и в мире;
- Изучение политических и экономических процессов на постсоветском пространстве;
- Мониторинг деятельности элит в России и странах СНГ;
- Изучение проблем энергетической и военно-политической безопасности в Евразии;
- Подготовка высококачественной эксклюзивной аналитики для органов государственной власти и бизнес-структур.

Исследовательские проекты МИПЭ

2013 год

- Доклад «Год Правительства Дмитрия Медведева: итоги и перспективы»;
- Доклад «Политические стратегии губернаторов-новичков, назначенных на свои посты в конце 2011 - 2012 гг.»;
- Доклад «Политбюро 2.0» накануне перезагрузки элитных групп».

2012 год

- Доклад Система выборов президента: российский и зарубежный опыт;
- Доклад Президентские выборы в Туркменистане: политические и экономические риски второго срока Гурбангулы Бердымухамедова;
- Инвестиционный потенциал Туркменистана: анализ политических рисков;
- Доклад «Большое правительство Владимира Путина и «Политбюро 2.0»

2011 год

- Социальная инженерия для модернизации (на примере исследования настроений жителей моногородов);
- Посткризисная ситуация в моногородах: проблемы и пути решения.

2010 год

- Доклад "5 лет системе назначения глав регионов в РФ";
- Президентские выборы в Польше 2010. Основные кандидаты, тактика;
- Предвыборная ситуация в Киргизской Республике;
- Будущее проекта «Южный поток»;
- Индекс политического влияния глав 100 крупнейших городов России (совместно с фондом «Петербургская политика»);
- Парламентские выборы в Молдавии 2010. Обзор аналитики.

2009 год

- Геополитический лоббизм вокруг расширения НАТО на Восток (2009);
- Мониторинг выборов в Европарламент (2009);
- Имиджи России и США накануне «перезагрузки» отношений (2009);
- Алгоритмы разрешения проблемных ситуаций в российских моногородах (2009);
- Внешние влияния на выборы президента Украины-2010 (2009);
- Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии: год спустя (2009);
- Мониторинг лоббистской борьбы вокруг принятия закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (2009);
- Экономическая ситуация в Белоруссии и направления геополитического лоббизма команды Лукашенко (2009);
- Лоббизм в России и группы влияния: что изменилось за год работы тандема Путин-Медведев (2009);
- Новая архитектура европейской безопасности и перспективы председательства Казахстана в ОБСЕ (2009);

2008 год

- Рейтинг политической выживаемости губернаторов в РФ (совместно с Центром Политической Конъюнктуры России и фондом «Петербургская политика») (2007-2013).
- Конфликт в Южной Осетии: геополитические и имиджевые последствия для России (2008).

2007 год

- Группы влияния и технологии лоббизма в Украине (совместно с Киевским Институтом проблем управления им. Горшенина) (2007);
- Энергетический потенциал Украины (совместно с фондом «Свободная Европа», United Communications, центр «София») (2007);
- ЕЭП-лоббизм. Группы влияния и лоббистские технологии в России, Украине, Белоруссии, Казахстане: сопоставительный анализ (2006-2007);
- Лоббизм иностранных корпораций в Туркменистане (2007);
- Сценарии передачи власти в странах Центральной Азии и Казахстане: опыт и перспективы (2007);
- Евразийская энергетическая стратегия России: приоритеты и технологии реализации (2007).

2006 год

- Оптимизация административно-территориального деления Российской Федерации: первые результаты и дальнейшие шаги (2006);
- Отношение избирателей и экспертного сообщества Украины к перспективам вступления в НАТО (совместно с Центром социальных технологий «София», Центром исследований армии, конверсии и разоружения) (2006).

2005 год

- Универсальные избирательные технологии и страновая специфика: опыт российских политических консультантов (2005);
- Как стать и остаться губернатором-2. Технологии лоббирования кандидатов на пост главы региона в Российской Федерации (2005-2009);
- Мониторинг выборов в Верховную Раду Украины (2005-2006, 2007).

2004 год

- Президент-2004. Сравнительный анализ избирательных технологий на выборах президентов России, Украины и США (2004);
- Психологические портреты кандидатов в президенты Украины (2004);
- Мониторинг выборов в Законодательные собрания Российской Федерации: технологии продвижения партийных брендов (2004-2007).

**МИПЭ входит в
Коммуникационный холдинг «Минченко Консалтинг»**

О холдинге

- 20 лет на рынке политической аналитики, консультирования и лоббизма;
- Эксклюзивная аналитика для лиц, принимающих решения;
- Консалтинг бизнеса и органов государственной власти;
- Более 200 успешных политических кампаний;
- Более 40 успешных лоббистских кампаний.
- Опыт работы в различных странах и регионах.

В глобальном мире преимущество над конкурентами дают только комплексные решения.

Мы предлагаем нашим партнерам эффективные методы взаимодействия с самыми разнообразными аудиториями – политиками, чиновниками, бизнес-сообществом, экспертами, журналистами, различными группами населения.

Опыт реализации комплексных кампаний, наработанные за годы работы на рынке PR и GR контакты, авторский инструментарий и научная база позволяют нам достигать нужного результата.

География проектов:

- Грузия;
- Европейский союз;
- Казахстан;
- Киргизия;
- Молдавия;
- Сербия;
- США;
- Узбекистан;
- Украина;
- Туркменистан;
- Регионы Российской Федерации: республики Башкортостан, Саха, Татарстан, Удмуртия, Хакасия, Красноярский, Пермский и Приморский край, Амурская, Архангельская, Волгоградская, Иркутская, Кировская, Курганская, Ленинградская, Магаданская, Московская, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская, Псковская, Самарская, Свердловская, Тверская, Тюменская, Челябинская области, Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

Готовятся к выходу доклады:

- Главы российских регионов перед выборами: итоги работы и политические стратегии (август 2013 г.);
- Лоббистская борьба вокруг проекта Таможенного союза (сентябрь 2013 г.);
- Оценка политической эффективности глав российских регионов (октябрь 2013 г.);
- Перспективы регулирования лоббизма в РФ (ноябрь 2013 г.);
- 2 года работы Государственной Думы: политика и лоббизм (январь 2014 г.);
- Инвестиционный потенциал стран СНГ (февраль 2014 г.).